

«ПОЧЕМУ БЫ НЕ ПРЕВРАТИТЬ СОБАКУ В ЧЕЛОВЕКА?...» 3

Интервью с детским писателем
Паулем Мааром

БУНИН –
ОТКРЫВАТЕЛЬ
ВРЕМЕНИ
8-9

КАК НАМ
УСЛОЖНИТЬ
ЛИТЕРАТУРУ
21

#20
(2344)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

5 НЕ ХРАНИТЕ
ДЕНЬГИ
В БАНКЕ!

Алекс Престон о природе
финансовых кризисов

6 РЫЦАРИ
ИЗ ДЕРЕВНИ
САГАЧИ

Сельская драма
Андрея Дмитриева

20 УРОКИ
БЕЗУМНОГО
ВОЖДЕНИЯ

Книжка-картинка
Петера Щёссова

НОВОСТИ

Смысловые галлюцинации

Стал известен лауреат Нобелевской премии по литературе. Букмекеры в основном ставили на японца Харуки Мураками, канадку Эллис Манро и китайца Мо Яня. Победил китаец. Как говорится в заявлении Нобелевского комитета, Мо Янь заслужил награду «за умопомрачительный реализм, который объединяет народные сказки с современностью».

Мо Янь — псевдоним, в переводе с китайского означающий «молчи». Настоящее имя писателя — Гуань Мое. Это первый автор из КНР, получивший Нобелевскую премию (китаец Гао Синцзянь, получивший премию в 2000 году, предпочитает жить во Франции). Слава пришла к Мо Яню в 1987 году после публикации романа «Красный гаолян», повествовавшего о Китае 1920-х и войне с Японией. По этой книге режиссер Чжан Имоу снял одноименный фильм, получивший «Золотого медведя» на Берлинском кинофестивале в 1988 году.

В России произведения писателя до сих пор не издавались. Первая книга, переведенная на русский язык, — роман «Страна вина» — вышла в издательстве «Амфора» буквально только что. Перевел роман Игорь Егоров, назвавший книгу «психоделью» и «метароманом», в котором один пласт реальности смешивается с другим. Как только ни отзываются о творчестве Мо Яня в прессе. «Самая яркая и колкая сатира современной китайской литературы», «мифологичность, сказочность и гротеск в сочетании с яркостью и реалистичностью», «галлюциногенный реализм» — можно только примерно представить себе, какое интересное знакомство нас ждет.

Среди других претендентов на Нобелевскую премию по литературе назывались Харуки Мураками, Эллис Манро, Петер Надаш, Сейс Нотебоом, Асия Джеббар, Филип Рот, Джойс Кэрл Оутс, Евгений Евтушенко и Виктор Пелевин.

«Война и мир» XX века?

«Жизнь и судьба» на телеэкране (стр. 19)

Читайте в следующем выпуске «PRO»:

Представляем номинантов премии «Человек книги»-2012;

Подводные камни в русле учебного и научного книгоиздания.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 12 ноября с.г.

НОВОСТИ

книга недели

Убить полярную крачку?

Давным-давно, аж в прошлом веке, в городе Лондоне жил отнюдь не ангельского характера, но и не то, чтобы злой человек и сочинял заковыристые истории. Он только что издал роман о философии эмиграции, о том, как ангел и демон могут поменяться ролями и как, с точки зрения светского человека, возникла религия ислам. А на другом конце мира, в жаркой стране Иран, умирал в своей комнате действительно злобный старик. Затея с книгой ему не понравилась. Он протянул через горы и моря дряхлую руку, сказал волшебное слово «фетва» — и бац! Книга из художественного произведения превратилась в поганый пасквиль для погубления добрых мусульман, а автор рассыпался на кусочки. Фамилия Рушди оторвалась от хозяина, угнездилась на плакатах и газетных страницах и обернулась самостоятельным мерзким уродцем, мечтающим уничтожить исламскую цивилизацию и вытягивающим

Рушди С. Джозеф Антон / Пер. с англ. Л.Мотылева, Д.Карельского. М.: Астрель, Corpus, 2012. — 864 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-271-45232-1

из честных британцев баснословные суммы на охрану своей трусливой персоны. Салману же охранники сказали, что он проходит у них под кодом «полярная крачка», а от имени придется отказаться. И статья невидимым. Возможно, навсегда.

По причудливости автобиография Салмана Рушди не уступает его сказочным романам. Но «Джозеф Антон» — не магический реализм, а жесткий документальный триллер о писателе, выживающем между Сциллой мракобесия, притворяющегося нравственностью, и Харибдой трусости, имитирующей политкорректность. Так что книгу можно настоятельно рекомендовать даже тем, кто в принципе не переносит сложной прозы, а об авторе «Шайтанских аятов» знает по новостям. Здесь они найдут множество интересных и чудовищно злободневных примеров того, на какие глупости, гадости и подвиги способны самые разные люди, от политиков и издателей до уличных прохожих, когда надо решить, кому принадлежит право на истории, и что делать с человеком, превращенным в полярную крачку.

Оксана Бек

И снова Хилари

«Сначала ждешь его двадцать лет, а потом получаешь сразу два», — пошутила Хилари Мэнтел, когда получала премию The Man Booker Prize в лондонской ратуши Гилдхолл, где 16 октября прошла церемония награждения.Английская писательница Хилари Мэнтел — тот редкий автор, который умудрился получить Букера дважды. До нее это удавалось только Джозефу М. Кутзее (родился в Кейптауне, живет в Австралии) и австралийцу Питеру Кэри. Поэтому Хилари — первый автор из Великобритании и первая женщина — обладатель двух Букеров.

Случай беспрецедентный еще и потому, что вторую премию Мэнтел получила за продолжение первого букероносного романа. Первая часть трилогии о временах Генриха VIII и его советнике Томасе Кромвеле (интереснейшая личность в истории Англии) называлась «Волчий зал» и получила премию в 2009 году. И вот спустя три года вторая часть трилогии «Внесите тела» получает второго Букера. В центре исторического романа падение и казнь второй жены Генриха VIII Анны Болейн, которую читатель видит глазами Томаса Кромвеля. Ожидается третья, последняя часть (рабочее название «Зеркало и свет»), что создает интригу: не станет ли Мэнтел лауреатом и в третий раз? Сама писательница сказала на церемонии награждения в Лондоне, что пойти и написать третью часть — сложная задача. «Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия».

Выпускники Бунинской премии

Завершился восьмой сезон Бунинской премии — 22 октября 2012 года, в день рождения Ивана Алексеевича Бунина, в Московском гуманитарном университете были объявлены лауреаты. Вручали премию председатель Попечительского совета Бунинской премии, ректор университета, профессор Игорь Михайлович Ильинский и председатель жюри конкурса — народный артист России Святослав Бэлза.

В этом году в центре внимания премии оказалась поэзия. Стихи на конкурс стекались практически со всего мира — в лонг-лист вошли авторы не только из 32 городов России, но и из зарубежных стран: Армении, Германии, Грузии, Израиля, Казахстана, Латвии, Украины, Швеции. 15 сентября экспертный совет премии выбрал лучших и сформировал «короткий список» — и вот, наконец, объявлены победители. Большую премию в этом году не получил никто, зато «серебряных» лауреатов в этом году четверо: знаток и ценитель античной поэзии Максим Амелин, честная и горькая поэтесса Мария Ватутина, один из основателей дерзкого объединения СМОГ Владимир Алейников и мастерица плетения образов Марина Кудимова. Две малые Бунинские премии достались Василию Попову и Натe (Наталье) Сучковой. Номинацию «Открытие года» завоевала восемнадцатилетняя Юлия Мамочева, а специальной премии «За подвижнический труд на благо русской литературы и укрепление культурных связей России и Белоруссии» удостоился Алесь Кожедуб.

Бунинская премия не только приятно щекочет лауреатам самолюбие, но и помогает материально — помимо медали с портретом Ивана Алексеевича и диплома они получают солидное денежное вознаграждение.

Издания, отрецензированные в номере

А. А. Фет и его литературное окружение	7
Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. 10	
Бояшов И. Эдем.	6
Гейнцельман А. Столб словесного огня	7
Гурджиев Г. Взгляды из реального мира ...	10
Деникин А. Путь русского офицера.	15
Дмитриев А. Крестьянин и тинейджер	6
Жвалевский А., Пастернак Е. Я хочу в школу	20
Заболоцкий Н. Поэмы	7
Зорич А., Жарковский С. Очень мужская работа	15
Иличевский А. Город заката.	6
Ингемарсон К. Проще некуда	10
История литературы. Поэтика. Кино. Сб. в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой.	10
Квирк М. 500	17
Клири Т. Японское искусство войны. Постижение стратегии.	15
Клэр К. Город падших ангелов.	16
Клэр К. Механический ангел.	16
Костин М., Гравицкий А. Живое и мертвое.	
Третья сила	15
Лукьянов О. Лилис.	15
Млодинов Л. (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением... 10	
Пастернаковский сборник	10
Престон А. Кровоточащий город	5
Сераджи М. Крыши Тегерана.	10
Синицына О. Детям об искусстве. Архитектура: Книга первая	24
Скоренко Т. Легенды неизвестной Америки.	16
Смолина Н. Детям об искусстве. Архитектура: Книга вторая.	24
Сухаренко А. Юродивый. Тайна Проклятия . 15	
Царственные Романовы.	15
Шенар А. Возлюбленные и ненавистные: женщина в еврейской литературе от Библии до наших дней	10
Шигин В. Герои русского броненосного флота.	15
Шилова Ю. Встань и живи, или Там, где другие тормозят, я жму на газ	17
Щёссов П. Моя первая машина	20

Выбор редакции

1 На русский язык наконец-то перевели один из важнейших и сложнейших романов XX века — «Радуга тяготения». Любители постмодернистских блужданий, приготовьтесь — в розовом небе военного Лондона уже нарисовался инверсионный след от загадочной ракеты, и мысль Джеффри Апереткина по прозвищу Пират отправилась в свое опасное путешествие...

Пинчон Т. Радуга тяготения / Пер. с англ. А.Грызуновой, М. Немцова. М.: Эксмо, 2012. — 768 с.

2 «Я только узнал, что люди разные, и хотел рассказать, почему между народами были и будут кровавые скандалы», — так Лев Гумилев отвечал на воинственную критику со стороны других историков, не разделявших его пассионарной теории этногенеза. Литературовед Сергей Беляков потратил на ее изучение двадцать лет — и написал самую обширную биографию знаменитого ученого.

Беляков С. Гумилев сын Гумилева. М.: Астрель, 2012. — 797 с.

3 Премьер-министр Великобритании, военный, политик, журналист, один из лучших ораторов своего времени, автор термина «железный занавес» — кем только не был сэр Уинстон Черчилль! А в 1953 году стал еще и лауреатом Нобелевской премии по литературе. Говорят, что главного героя своего романа — реформатора и убежденного демократа Савролу — Черчилль списал с себя.

Черчилль У. Саврола / Пер. с англ. З.Вольской. М.: Алгоритм, 2012. — 240 с. — (Проза великих).

Пауль Маар

персона

«Я и вправду немного мечтатель...»

Беседовала Вера Бройде

Когда Пауль Маар еще не был знаменитым детским писателем, художником-иллюстратором и сценаристом, а работал оформителем сцены и фотографом, директор театра посетовал ему на то, как мало сейчас новых пьес и как надоело постоянно ставить «Спящую красавицу». И господин Маар сочинил свою первую пьесу — «Король в ящике». Затем написал еще одну, и еще, и еще. Сделал паузу — и сочинил рассказ, потом повесть, роман. Каждая его книга становится поездкой на море — приключением, о котором так мечтаешь в детстве. Это уже доказано Субастиком, да и не только им.

— Если читатель «Господина Белло» живет в России или он хорошо знаком с русской литературой, то, скорее всего, вспомнит «Собачье сердце» Булгакова. Эти истории — как будто два варианта развития одной и той же фантазии. Веселый, оптимистичный — вариант господина Белло. Печальный и, пожалуй, реалистичный — вариант Шарикова. Булгаков на вас повлиял?

— Когда я написал эту книгу, мои друзья спросили меня: «А ты читал Булгакова?». Я ответил: «Нет». Тогда они сказали: «Прочти». Я тут же принялся за дело. Боже мой! Я был ошарашен. Надо ли говорить, что роман мне очень понравился?! Но мой ответ на ваш второй вопрос: нет, Булгаков на мою книгу не повлиял. Главным источником вдохновения стал фильм. Я посмотрел старый итальянский фильм с Питером Устиновым в главной роли: там герой превратился в собаку, потому что он был очень вредным. И я подумал: как забавно, а если сделать наоборот? Почему бы не превратить собаку в человека? Вот так появился господин Белло. А про Шарикова я узнал позже.

— Вы выбрали в качестве главного героя собаку, потому что только собаки и дети видят в обычных вещах что-то волшебное?

— Да, это замечательная идея. Мне нравится, что собаки не способны солгать, что они наивны, что они так дружелюбны. Эти качества без всякой помощи извне — я имею в виду, без писательской помощи — делают их волшебными существами. В моей истории собака поселяется в семье, где не все в порядке: родители Макса развелись, и теперь он живет вдвоем с отцом — они очень близки. Они настолько близки, что Макс не представляет себе другой женщины в их жизни. И отец боится, по сути, того же самого: что Макс почувствует себя обделенным, если он начнет с кем-то встречаться, тем более что мальчик любит свою настоящую маму, уехавшую в Австралию. И вот в такой дом попадает мой Белло — пес, который потом превратится в человека, а потом снова станет собакой, а потом — опять человеком и т.д. Этот «волшебный эликсир» — то есть фантастический элемент, он был нужен мне для того, чтобы изменить ситуацию в семье, чтобы история закончилась хорошо. Точно такой же трюк я, кстати, проделал и в истории с Субастиком: волшебство помогает главному герою — господину Пепперминту — понять, что он жил неправильно, изменить

свое отношение к себе и к другим, изменить свою жизнь.

— Макс говорит, что, выбирая себе собаку, «нужно с первого взгляда почувствовать „свою“». А у вас была когда-нибудь такая — чтобы «своя»?

— У моих родителей всегда были собаки. Когда я был ребенком, я больше всех на свете любил своего пса — это был боксер. Потом у меня была немецкая овчарка. Я и сейчас бы очень хотел иметь собаку, но это невозможно, потому что я слишком часто уезжаю из дома. Я здесь, в России, уже почти неделю, совсем недавно целых семь недель провел в Австралии. А отдавать своего пса в собачий отель на время отъезда, как это делают другие, я бы не хотел: он там будет несчастен.

— Вы часто вспоминаете свое детство?

— Да, я написал две автобиографические книги. Одна называется «Другие дети всегда оставляют своих родителей» и рассказывает как раз мою историю. Я не хотел жить со своими родителями, но мой отец все время повторял: «Другие дети всегда живут со своими родителями». А я хотел жить со своими бабушкой и дедушкой: ведь я жил с ними с пяти до десяти лет, прежде чем мой отец забрал меня. Он был очень суровым человеком, диктатором, не терпел другого мнения. Мне часто от него доставалось — поэтому-то я так стремился вернуться к бабушке с дедушкой. А потом я об этом написал. Другая книга была про колорадского жука: в Германии после войны очень многих детей отправляли на поля, чтобы его собирать. Тяжелое было время — холодно и голодно. Мне было четырнадцать лет, когда я тоже оказался на таких работах. Помню, мы собирали жука, а женщины в той деревне рассказывали друг другу всякие новости, сплетничали одним словом. Я слушал их большим ухом, притворяясь, что очень занят колорадским жуком.

— А школа: вам нравилось туда ходить или вы это терпеть не могли?

— Сначала очень не нравилось, а потом все изменилось. До седьмого класса я жутко не любил школу, потому что там надо мной смеялись: я был из Франконии, из маленькой деревушки, откуда родом мои бабушка с дедушкой. А там люди говорят на диалекте. Например, фразу: «Я иду купаться на речку Майн» я произносил так: «Я иду купаться на речку Ме-е-ен». И одноклассники постоянно обзывали меня деревенщиной, потешались, как только могли. Но потом меня пере-

вели в другой класс, где царила совсем другая атмосфера — очень дружелюбная. И дети тоже учились совсем другие: многие из них впоследствии стали очень известными деятелями культуры в Германии. И учитель немецкого языка был замечательным: я ему нравился, и он часто просил меня прочитать перед классом свои сочинения. И самое главное — там у нас были уроки рисования, которые мне так нравились! Раньше я ныл: «Школа... Ох, ну, пожалуйста, можно мне туда не ходить?!», а тут стал говорить: «О, наконец-то понедельник! Ура, я иду в школу!».

— А что было в вашем детстве такого, чего сейчас нет, и чего вам не хватает?

— Взрослые иногда бывают счастливыми, но их счастье не настолько интенсивное, как у детей. Мое детство пришлось на военные и послевоенные годы, но это не значит, что я не был счастлив. У нас не было сладостей, шоколада, жвачек. Не было игрушек — мы сами их себе придумывали и делали. И одежды было очень мало. Но, бог мой, мы так все радувались: маленький-премаленький подарок — а радость большая-пребольшая! Сейчас у детей в комнате громоздятся конструкторы «Лего», а холодильник заполнен банками «Кока-колы», но они почему-то относятся к этому почти равнодушно. Помню, я сам себе смастерил такой замечательный меч — выстрогал из дерева, а потом разукрасил. И еще самолет.

— Когда вы пишете о том, что человек не меняется, то, глядя на господина Пепперминта и на его сына Мартина, в это искренне веришь. Но потом, закрыв книгу и посмотрев на людей вокруг, прежней уверенности уже нет. Вы — немного мечтатель, верно? И вы предпочитаете думать о людях лучше, чем они есть на самом деле, да?

— И да, и нет. Когда я написал «Неделю, полную суббот», я думал, что эта книга может помочь кому-то из детей немного поднять уровень уверенности в себе. Я и вправду немного мечтатель. В детстве я так часто слышал эту фразу: «Пауль у нас размечтался». Но тогда это звучало не слишком одобрительно. В детстве я, наверное, был похож на Филиппа Траума, которого все называют Липпелем, то есть маленьким мечтателем. Это главный герой повести, которую я сочинил в 1984 году, в 2009-м по ней был снят фильм — «Мечта Липпеля», он открывал Берлинский кинофестиваль. Мой Липпель, как и я ког-

да-то, видит удивительные сны — он в них путешествует, уносится в волшебный восточный мир, где его отец — любящий, но слабый король, а он, Липпель, должен помочь ему сохранить трон, спасти королевство. Я хотел сказать этой книгой: «Мечтайте. Нужно мечтать».

— Штернхайм мечтал о том, чтобы стать художником, чтобы его картины выставляли во всех музеях мира. Но ничего не вышло — он стал аптекарем. А когда господин Эдгар был маленьким, он хотел стать математиком — но стал фермером. Неужели так всегда и бывает, и только очень немногим удается исполнить свою мечту? И о чем мечтали вы?

— Когда я был маленьким, я мечтал стать художником, чтобы мои картины выставляли во всех музеях мира. Это почти вечная история, которая повторяется из поколения в поколение: дети мечтают, а потом вырастают и уже не в силах осуществить свои мечты. Как отец Макса, ставший аптекарем, и как Эдгар, ставший фермером. Но я надеюсь, что Макс — потому что он еще маленький, потому что он принадлежит другому поколению — что он сможет. Надеюсь на то, что у него будут для этого возможности, потому что ни у его отца, ни у лучшего друга его отца таких возможностей не было: оба были вынуждены стать тем, кем они стали, из-за их отцов — таких же, как мой собственный, кстати: слишком властных, эгоистичных.

— Джанни Родари говорил, что в любой школе, где ему приходилось отвечать на детские вопросы, всегда находился мальчик, который его спрашивал: «А как придумываются сказки?». О чем вас всегда спрашивает такой мальчик?

— О том, где я живу, сколько мне лет и как ко мне приходят мои идеи — беру ли я их из реальности или изобретаю сам? А потом этот мальчик спрашивает: что я делаю, когда идеи не приходят? Я стараюсь отвечать, но, как правило, ответы получаются разными — в зависимости от моего настроения. Откуда приходят идеи? Я не знаю, понятия не имею. Иногда утром я просыпаюсь, а они уже меня поджидают, а иногда — нет. Иногда — когда я еду в машине, а иногда — когда сижу за письменным столом и размышляю о том, о чем бы мне написать на этот раз. Очень часто идеи рождаются из наблюдений за детьми: моими выросшими или чужими. Вот так и бывает.

4 Вот уже восемьсот лет Оксфорд и Кембридж связывают отношения настолько сложные и пылкие, что в английском языке даже появилось слово «Оксбридж». О великой любви-ненависти двух знаменитых университетских городов увлекательно рассказывает известный журналист Петер Загер.

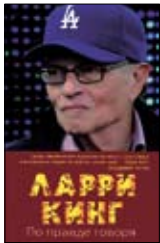
Загер П. Оксфорд и Кембридж. Непреходящая история / Пер. с англ. В.Агафоновой, Е. Соколовой. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2012. — 640 с.

5 В ноябре 1957 года в итальянских книжных магазинах появился «Доктор Живаго». Через пару месяцев книга стала бестселлером. А еще о ней много писали. Настоящая антология — сборник статей, рецензий и эссе, написанных итальянскими интеллектуалами ровно пятьдесят пять лет назад.

Доктор Живаго: Пастернак, 1958, Италия. Антология статей / Пер. с ит. А. Бибикова, Ю. Галатенко, А. Голубцова; Ред.-Сост. С. Гардзонни, А. Реччия. М.: Река времен, 2012. — 424 с.

6 Как скромный молодой журналист из Бруклина стал телевизионной легендой, человеком-жанром, журналистом, побывать в гостях у которого значило почти то же, что получить почетную грамоту? Наверное, лучше всего об этом расскажет сам Ларри Кинг.

Кинг Л. По правде говоря / Пер. с англ. А. Кабалкиной. М.: Астрель, 2012. — 254 с.

7 Вслед за Аделаидой — очаровательной летающей кенгурой, которая совершала один подвиг за другим, Томи Унгерер рисует Эмиля — симпатичного зеленого осьминога. Какие таланты у него? Ну, чтобы только составить список, понадобится с десяток страниц. Так что ограничимся самыми яркими пунктами: одаренный музыкант, полицейский, спасатель и очень верный друг.

Унгерер Т. Эмиль. Добрый осьминог: Для чтения взрослыми детям / Пер. с англ. О. Варшавер. М.: Самокат, 2012. — 36 с.: ил.

VOY14

non/fiction№14

При поддержке:

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
Департамента Средств Массовой Информации и Рекламы города Москвы

14 Международная Ярмарка интеллектуальной литературы
28 ноября – 2 декабря 2012
Центральный Дом Художника, Москва

Гость ярмарки – Германия
Специальные разделы – Книжная Антикварная Ярмарка
Vinyl Club
Детская площадка „Территория Познания”

Организатор: Компания ЭКСПО-ПАРК ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ
119049, Москва. Крымский вал, 10, офис 165
Тел./факс: (495) 657 99 22
info@expopark.ru
www.moscowbookfair.ru

ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ
EXPO-PARK

«В Сити что поймал, то и съел»

Посетивший этой осенью Москву Алекс Престон поговорил с корреспондентом «КО» о потерянных поколениях и «человеческом факторе» финансового кризиса.

— Должна признаться, что читая ваш роман, я с ужасом ждала, что Чарли отрицет гидру мирового финансового глобализма, женится на любимой девушке и будет жить долго и счастливо. А вместо этого он разрушил свое семейное счастье и чуть не стал причиной гибели собственного ребенка. Мрачный и неоднозначный конец романа очень порадовал, но заставил задаться вопросом — а остается ли какая-нибудь надежда для парня, покалеченного жизнью в мире трейдеров?

— Меня недавно спрашивали — будет ли написан «Кровоточащий город-2». Думаю, дело в том, что многие люди сочувствуют Чарли и им не хочется расставаться с ним там, где я его оставил. Но я считаю, у моей книги правдивая концовка. Нужно понимать: жить в мире финансов очень трудно, туда многие стремятся, но оттуда очень трудно выбраться. Поэтому в своей истории я решил оставить что-то недосказанным.

— Если взяться читать «Кровоточащий город» после «Бойцовского клуба», ваш роман может показаться, скажем так, чересчур доброй книгой об ужасах Сити....

— Да, что касается того, как я описываю обитателей Сити — за это меня критиковали. Помню, один рецензент сказал: мы не хотим читать про то, что банкиры — тоже люди. Мне кажется, он не уловил

суть. Сосредотачиваясь на истории кризиса как такового, мы упускаем человеческую сторону произошедшего. Я хочу понять, как получилось, что у целого поколения произошло тотальное крушение моральных стандартов, как они могли так старательно не замечать, что поступают неправильно, как могли быть так захвачены жадностью... А это можно понять, только обратившись к внутреннему миру этих людей.

Есть много историй простых людей вроде Чарли, и если вы сложите вместе эти истории, то поймете, что такое финансовый крах, великий моральный кризис позднего капитализма. Я пытаюсь понять, что позволило этим молодым людям в большом городе пойти так далеко, как мы получили целое поколение, помешанное на деньгах.

— Да, понять этих людей сложно... Кстати, многие читатели, воспитанные на том же Паланике, могут удивиться, почему Чарли не пошел войной на чуть не погубившее его общество потребления.

— Ну, сделать его таким крестоносцем, борющимся против капитализма, было бы слишком легко. Сколько мы знаем таких людей? Ну, был Грэг Смит, который ушел из Goldman Sachs и написал об этом открытое письмо... Откуда взяться контркультурным героям? Если бы я взялся таковых описывать, это было бы клише, пастиш. А я хотел рассказать правду о своем поколении. А правда вот в чем: они стали частью этого мира, потому что это казалось разумным экономическим решением, они оста-

лись в этом мире, потому что в этом принцип действия капитализма: ты привыкаешь к деньгам, а потом тебе хочется еще, ты получаешь еще, привыкаешь к этому, и хочешь еще больше, и очень трудно отказаться от такого образа жизни. У Чарли кишка тонка становиться контркультурным героем, у него слабый характер, он просто плывет по течению.

— Как, по вашему мнению, будет складываться профессиональная жизнь у финансистов — сверстников Чарли — «детей кризиса»?

— Думаю, у них дела будут идти лучше, чем у их предшественников. Что в 2008-м стало главной катастрофой для людей моего поколения, начавших профессиональный путь в 2001-м? Все, что мы делали, было

правильно. Совершить ошибку было невозможно, просто потому, что это была экономика мыльного пузыря. У финансистов, не отличавшихся особым умом, дела шли лучше некуда, потому что это было легко. А легко было, потому что все было ненастоящим. И тут все, на чем они строили свой мир и свою философию, рухнуло — весь этот цикл положительного подкрепления, когда одно правильное решение вело к другому решению, а то — к следующему... А банкиры, которые начинают работать сейчас, начинают работать в мире, где нет надежды. Есть такая старая трейдерская поговорка: в Сити что поймал, то и съел. Это омерзительно наглый уродливый мир, и сейчас он особенно омерзителен. И я думаю, у

них все будет в этом мире хорошо.

— Трагическая несовместимость счастья и денег для вас — проблема злободневная или вечная?

— Чтобы понять, что в этой беде нет ничего принципиально нового, достаточно вспомнить Фитцджеральда и его «Возвращение в Вавилон» — кстати, главного героя там тоже зовут Чарли — или даже Антонио Троллопа. Это старая беда.

— Вас назвали «голосом потерянного поколения трейдеров», и это...

— Ну да, это журналистский подход. Впрочем, в этом есть хороший момент: меня завалили письмами, в которых люди говорили: да, так оно со мной и было, это про меня. А смущает меня в этом то, что возвращает нас к вашему вопросу — не слишком ли я добр к этим людям? Я не хотел быть к ним слишком добр, я хотел лишь быть честным. Если роман получился слишком добрым, то только потому, что я не хотел и не чувствовал себя вправе обрушиваться на его героев с моральным осуждением. Я оставляю это читателю. И еще — я был бы неискренен, если бы не рассказал о том, как это все-таки увлекательно — жить в мире финансов

— Как вы считаете, сами вы выбрались из Сити «без потерь»?

— Ну, я опубликовал «Кровоточащий город» и ушел из финансов — после такой книги оставаться там было бы сложно. К тому же у меня родилась дочь. Когда рос мой сын, я совсем не проводил с ним время, и не хотел, чтобы

это повторилось с дочерью.

— Кризисы дарят нам чудесные произведения искусства — но учат ли чему-нибудь экономистов?

— Многие экономисты утверждали, что то, что произошло в 2008-м, было абсолютно противостественным. А замечательный экономист Хайман Мински считал, что экономика движется от катастрофы к катастрофе, и кризис является естественным для нее состоянием. А если в общем — экономисты из-за своей неспособности предсказать то, что случилось, опозорились куда больше банкиров. Научил ли нас чему-нибудь кризис? Если вы заглянете на Facebook-страницу Нью-Йорской фондовой биржи, то поймете, что, похоже, нет. Людям все равно хочется «все выше, и выше, и выше», им нужен адреналин — так уж устроен наш мозг. Поэтому у нас никогда не получится избежать проблем, подобных тем, что возникли в 2008-м.

— Вас обрадовало бы благодарное письмо от молодого человека, который, прочитав Вашу книгу, раздумал идти в финансисты?

— Конечно, обрадовало бы. И я несколько недель назад получил имейл от Кадзуо Исигуро — он очень хорошо отозвался о моем романе и написал, что его дочь хочет стать финансистом и он дал ей почитать «Кровоточащий город» в надежде, что она передумает. Я попросил дать мне знать, что из этого получится. Может быть, дочь Кадзуо Исигуро станет великим писателем, и это будет моей главной жизненной заслугой.

Что еще носит дьявол

Он носит далеко не только Prada. Дьявол ничего не имеет против пиджака, галстука и офисной работы. Работает дьявол, как и полагается, с огоньком — с жизнерадостным хохотом он жонглирует умопомрачительными суммами денег, и каждый раз каким-то непостижимым образом умудряется принять совершенно правильное решение, от которого денег становится только больше. Или ничего непостижимого тут нет, и жизнь простого финансиста конца XX века вправду устроена по таким вот феноменальным, эльдорадным законам? Дьявол убеждает, что да, все именно так, и если даже ты не хочешь всю жизнь занимать-

ся хеджированием, все равно приходи сюда, поработай. Ах, да, еще может случиться такая неприятность, что этот развеселый мегапузырь лопнет, и ты не успеешь ни убедать, ни спрятаться. Но разговоры об этом дьявол отменяет как неконструктивные.

Есть у пиарщиков такой термин для полурекламных статей — «история успеха». «Кровоточащий город», получивший премию Sreag's за лучший дебютный роман и первый приз Эдинбургского книжного фестиваля, можно смело назвать классической историей антиуспеха. Это хроника падения Чарли Уэйлза, наивного юноши-гуманитария, крайне неудач-

но отправившегося покорять большой мир. Наслушавшись приятных аргументов, описанных в предыдущем абзаце, Чарли пошел работать в хедж-фонд. И стал одним из легиона юных финансовых рыцарей миллениума — целеустремленных, мотивированных, почти потерявших рассудок от журчания вездесущих денежных потоков, ни хрена не смысливших в том, что они делают. Их-то кровью и засочился большой город, когда наступил тот финансовый кризис, в который никто не желал верить. Алекс Престон, бывший труженик лондонского Сити, написал фактически злободневный мужской вариант гламур-

бестселлера Лорен Вайсбергер. Или еще одну архетипическую историю — притчу об опасности молодости, когда так невыносимо хочется великих свершений и сбыться мечт и так легко ошибиться и начать искать их в самом неподходящем месте. И кстати, «Кровоточащий город» — не из тех историй об искушениях, которые заканчиваются победой над силами зла. Если вы ушли из Сити, это вовсе не значит, что Сити ушел из вас — именно в тот момент, когда у большинства беллетристов наступают свадьба и хэппи-энд, у Престона случается самое страшное.

Если же говорить об «экономической» составляющей,

Престон А. Кровоточащий город. Роман / Пер. с англ. С. Самуйлова. М.: Фантом Пресс, 2012. — 448 с. 3000 экз. (n) ISBN 978-5-86471-638-0

это очень полезная история о кризисе — прежде всего потому, что выглядит она

вопиюще «некризисной». «Кровоточащий город» — произведение потрясающе трезвое. Это «антисистемный» роман, написанный, однако, без контркультурного надрыва, и роман об элите, в котором при всем желании не угладишь замороженности цацками, брендами и аксессуарами этой самой элиты. Престон рассматривает «звериный оскал капитализма» сквозь простую-препростую призму: он рассказывает нам о людях, которые смеются, плачут, мечтают и кончают с собой внутри загадочной рыночной машины. И ни поклонник Вайсбергер, ни фанат Паланика не угадает концовку этой книги.

рецензии

русская проза

Не играйте с козлом в го!

Оксана Бек

«Никогда не разговаривайте с неизвестными» и «хамить не надо по телефону, лгать не надо по телефону» — спору нет, золотые советы, но их, к сожалению, в наши дни уже недостаточно. Не играйте с говорящим козлом в го, милостивые государи! Ни в коем случае не играйте, даже если козел вежлив до невероятия, а никакого другого культурного досуга у вас не предвидится! Звучит бредово? Правильно, всякое воспитательное повествование должно содержать в себе определенный процент бреда — для того, чтобы мозг воспитуемого получил необходимый эмоционально-педагогический ТЫДЫЩ. Впрочем, в случае романа Ильи Бояшова говорить о процентах будет откровенной

глупостью. Если его предыдущая притча, «Каменная баба», немного расстраивала своей фельетонообразностью, то «Эдем» — страшилка полноценнейшая, безо всяких ненужных уклонов. Если бы Кафка занимался не бумагами, а садоводством, то обязательно написал бы если не эту, то очень-очень похожую изуверскую историю.

В один ужасный день молодой человек, спешивший по улицам некоего большого города в свой офис, увидел в стене распахнутые старинные ворота, а за воротами дивный тропический сад. И устремился на запах рододендронов. О нет, то не был ищущий отдохновения Акакий Акакиевич компьютерной эры! То был, как мы потом узнаем из его

горестных, преисполненных аллюзиями и реминисценциями воплей, претоннейший экземпляр успешного молодого человека, юный герой миллениумного Ренессанса. Умный, образованный, спортивный, сведущий в изящных искусствах, побуживший в свое время на неформальных игрищах и благоразумно отрицавший оные ради бизнес-свершений. Да и в сад блистательный дурень полез, потому что ко всем своим прочим совершенствам интересовался ботаникой. И даже пытался конструктивно искать выход из ситуации, обнаружив себя запертым в фантастическом Эдеме в компании мерзких говорящих зверей (кто сказал, что говорящие звери должны быть милы-

ми?) и кошмарного старика-садовника, последователя какого-то чудовищного садоводческого дзена. Не вышло, пришлось помогать возделывать сад — без горячей пищи, чистой воды и постельного белья, с мыслями и чувствами, от коих прослезился бы Ларс фон Триер. Ибо из своего урбанистического Возрождения наш самонадеянный молодой человек провалился в... гм, называйте это другим измерением или иным пластом семантико-культурной реальности — короче, попал в место, где любовь к прекрасному карается ответственностью за прекрасное, красота требует самых неприятных жертв, и жертвы не вознаграждаются. Потому что рай тебе не бухгалтерия, сынок,

Бояшов И.
Эдем: Роман.

СПб.: Лимбус-Пресс, Издательство
К.Тублина, 2012. — 192 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-8370-0631-9

иди поливать пальмы и учти, оба ведра дырявые в силу того, что больше работы — меньше дум.

Дальше — попытка бунта, обретение Евы, преслову-

тый коварный козел, большие неприятности и концовка, которую без труда угадает хоть сколь-нибудь гуманным подкованный читатель. Последнее обстоятельство, кстати, никоим образом не означает, что сказка эта простая. Тут много чего запрятано — в истерическом, перегруженном последствиями элитного образования расказе злосчастного сотрудника, загадочном редакторском примечании и том, что кажется постмодернистскими забавами автора. Если после этой книги у вас вдруг изменится — не обязательно в худшую сторону, но... — так вот, если у вас вдруг изменится отношение к растениям и прекрасному, не удивляйтесь.

Люди и человеки

Мария Мельникова

Шорт-листер премии «Большая книга», «Крестьянин и тинейджер», роман с басенным заголовком и анекдотическим сюжетом о городском подростке, попавшем в деревню, — вероятнее всего, премию не получит. Не те конфигурации. Печальная, совершенно несатирическая история Андрея Дмитриева кажется чрезвычайно маленькой и хрупкой... совсем как артефакты из «Людей в черном» — странные штуки, удивительным образом уместяющиеся в себе галактики и суперустройства.

Двое мужчин пытаются ужиться друг с другом в полумертвой деревне Сагачи — мрачный фермер-бобыль Панюков и свалившийся ему на голову «подопечный»,

Дмитриев А.
Крестьянин и тинейджер.
М.: Время, 2012. — 320 с. — (Самое время!).
3000 экз. (п) ISBN 978-5-9691-0770-0

девятнадцатилетний москвич Гера, которого по знакомству услали сюда прятаться от армии. Ни о классовом конфликте, ни о отцово-детных проблемах им беспокоиться

не придется. Какие уж классовые конфликты у двух живых артефактов. Старовер Панюков — местный курьез, практически единственный непьющий мужик в округе, отважный рыцарь нового российского крестьянствования. Выходец из семьи, где и скотину-то уже не держали, освоил сельское хозяйство с нуля и с тех пор донкихотски борется с окружающей действительностью за свое суровое пейзажное. А еще он бы, наверное, очень удивился, узнав, в какую магическую древность уходят его представления о снах и о том, что в них можно делать. Гера вылетел из института не по тупости, а потому что не надо засовывать на юрфак мальчика, который мечтает стать

историком и написать книгу о Суворове. И этот мальчик, наверное, тоже бы удивился, узнав, насколько он ближе к юным чувствительным просвещенцам XVIII века, чем к своим сверстникам, и какой чудный пример сентиментальной прозы представляет его настукиваемый на ноутбук дневник — он же письмо к возлюбленной, которое он ей никогда не отправит. Строгую возлюбленную зовут Татьяна, она и подруга, и наставник, заставляющий задумываться об отвратительности телевидения, пошлости смайликов, недопустимости шовинизма и многом другом. Есть возлюбленная и у Панюкова — зоотехник Санюшка, это из-за нее лежит неподнятым поваленный коровой забор.

Панюков поднимет его только в тот день, когда Санюшка его простит.

Они чертовски схожи меж собой, угрюмый дядя и трепетный юноша — два благородных аутсайдера, упорно не желающие слушать мир, спрашивающий одного: «*Что скучно в Сагачах, начал бухать, как люди?*» и убеждающий другого: «*ты сам мне принесишь, когда, как люди, затормозишь*». Они не хотят как люди, они хотят по-человечески. В коварном промежутке между этими понятиями, возможно, кроется главная трагедия романа Дмитриева. Человечность, увы, не помогает понять другого такого же вопиющего человека, сидящего с тобой за одним столом. И хоть убей, не получается жить,

чтобы «по-человечески, не как у всех людей». Так просила Санюшка, и стыдно вспомнить, чем все кончилось. Так, кажется, уже бросил пытаться жить Панюков. Невозможность парадокса вот-вот дойдет и до наблюдающего все это Геры. Или не дойдет? То, что происходит между героями в самом конце, когда любовные истории у обоих современных рыцарей закончились хуже некуда, а жизненные мерзости достигли свинцового апогея, скрывается за краем сюжета и остается почти за гранью текста. Однако оставляет после себя светлое чувство. И объясняет, почему на обложке книги изображен не печальный пейзаж с ветхой избой, а полупризрачная стрекоза.

Пестрая, как Иерусалим

Дарья Лебедева

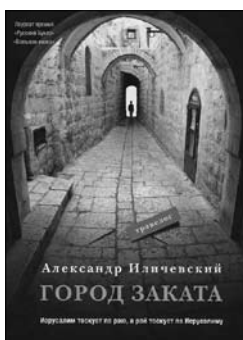
Вспоминая гармоничные и цельные художественные произведения этого автора — например, «Математика» или «Матисса», удивляешься, насколько же тяжело и сумбурно написаны тексты, собранные под обложкой этой книги. «Город заката» назван травелогом. Но, по сути, это рабочая «кухня», которую автор обрушивает на читателя, совершенно к этому не готовому: каша из эссе, статей, размышлений, стихов, дневниковых записей, набросков. Бесценный «поэтический сор», подобранные на улицах сокровища, необработанные заметки, из которых писатель затем создает ткань художественной реальности

— обычно все это остается в пределах личного компьютера или записных книжек.

В первой части, названной «Прогулки по стене», собраны короткие дневниковые заметки об Иерусалиме. Здесь есть элементы травелогом: сам город, взгляд автора на город, случайно увиденные и схваченные мгновения чужих жизней, трогательные факты из семейной истории и собственной жизни, размышления о философии, культуре, литературе, мифологии и даже что-то вроде энциклопедических статей о флоре и фауне. В этой же части собраны стихи, вернее, записанные в столбик те же впечатления, размышления и зарисовки с

натуры. Не хватает стилистического единства, объединяющего стержня. Как будто тексты не имеют друг к другу отношения и расположены в случайном порядке. И все же эта часть наиболее цельная, ее действительно интересно читать.

Еще три части книги включают разрозненные эссе на самые разные темы, объединенные только волей автора. Здесь и журналистские статьи, и политические обзоры, и семейные истории, и зафиксированные потоки сознания — от пирожного Пруста к проблеме воскрешения мертвых. Эти тексты огорчают не только сумбурностью и непоследовательностью изложе-

Иличевский А.
Город заката: Травелог.
М.: Астрель, 2012. — 350 (2) с. 5000 экз.
(п) ISBN 978-5-271-44516-3

ния, но и самоповторами из других произведений: бывает, слово в слово воспроизводятся целые фрагменты.

Возникает вопрос: как же эти разрозненные и плохо сочетающиеся между собой, по сути, рабочие материалы были изданы и попали под одну обложку? Вот как отвечает сам автор: «*Иерусалим — фигура интуиции, и эти записи нельзя назвать путевыми. Они, скорее, относятся к художественной, а не к изобразительной реальности. Как, собственно, и сам город. И, значит, Иерусалим больше всего похож на Слово — он его плоть*». Для Иличевского Иерусалим — причал, от которого отправляется в путешествие мысль писателя и философа. А значит, любые тексты, «спровоцированные» Иерусалимом, — часть этого города,

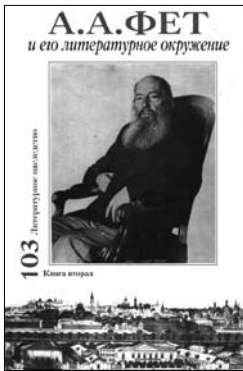
и «*строки образуют не менее прочную кладку, чем камни*». Беда в том, что для читателя это выглядит, скорее, как бесформенная груда камней.

Впрочем, «Город заката» многое рассказывает об авторе, о его начитанности, любопытстве и любознательности, любви к книгам, миру, слову и жизни. Наверное, книга похожа на первое впечатление об Иерусалиме — сложном, многонациональном, многослойном. Такой она и получилась — пестрой до рези в глазах. Хочется надеяться, что «Город заката» — лишь закуска к основному блюду, и нас ждет полноценный художественный роман с Иерусалимом в главной роли.

Долгожданные тома

Афанасий Афанасьевич Фет — настолько безусловный классик (начинающийся со школьной программы ранних классов), что спорить об этом даже и глупо. Но, парадоксальным образом, доселе нет полного собрания сочинений Фета — такие парадоксы нередки, но от того не менее чудовищны. Малоизвестное относительно недавнее собрание, начавшее публиковаться в Курске, так и не закончено, и не известно, когда закончено будет...

На этом фоне двухтомник, изданный в легендарной серии «Литературное наследство», отчасти компенсирует несобранность фетовского корпуса текстов — хотя бы в области эпистолярно-

А. А. Фет и его литературное окружение / Отв. ред. Т. Г. Динесман.

М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 1040 с. — (Литературное наследство. Т. 103: В 2-х кн. Кн. 2). 1000 экз. (п) ISBN 978-5-9208-0381-8

го жанра. Первый том вышел в 2008-м; второй — в конце

2011-го. Символично и то, что издание фактически оказалось юбилейным для серии — не по нумерации томов, но по хронологии, — в 2011-м исполнилось восемьдесят (!) лет «Литературному наследству»: важнейшая дата для отечественного литературоведения.

Переписка Фета представлена в издании впервые с такой полнотой. Здесь — письма к С.П. Шевыреву, И.П. Борисову, черновики писем к И.С. Тургеневу, переписка с Я.С. Полонским, В.П. Боткиным, во втором томе — письма к Л.Н. Толстому, переписка с С.А. Толстой, Н.Н. Страховым, К.Р. — великим князем Константином Констан-

тиновичем (увы, здесь же и некрологи филологам, готовившим издание — Ю.П. Благоволиной, Т.Г. Динесман, Л.М. Розенблюм).

Письма Фета — памятник, в подлинном смысле слова. Перед нами и опыт осмысления собственной жизни, и фиксация текущего момента; и легкая беседа, и глубокие литературные разборы. Характер Фета был непрост, непросты были и его взаимоотношения с литераторами-современниками. Оттого особенно интересно наблюдать те регистры, которые адресант меняет в зависимости от адресата — оставаясь, конечно же, собой. Так, в письмах поэту и великому князю К.Р. сочетается веж-

ливая верноподданность с крайне жестким разбором сочинений корреспондента: сословно высший, К.Р. был одновременно и смиренным поэтическим учеником; отсюда такой двуслойный стиль общения. Другой верный собеседник по переписке, Николай Страхов — собеседник скорее в области философии, мировоззрения (широкий читатель плохо знаком с этим аспектом духовного облика Фета — а ведь он был переводчиком Шопенгауэра). В переписке с Яковом Полонским сталкиваются два типа «чистого лирика» — вроде бы близких, ценящих друг друга, но с очевидностью недопонимающих, — и так далее.

Подчас — за пределами узких литературоведческих корпораций, занимающихся тем или иным автором, той или иной эпохой — даже квалифицированный читатель предвзято представляет себе объем мыслительной и творческой жизни того или иного сочинителя, пусть и классика. Эпистолярное наследие, наряду с иными типами маргинальных или бытовых текстов, совершенно необходимо для реконструкции подлинного облика автора, — ведь, чтоб там ни говорили про тайну переписки, в какой-то момент всякий текст, даже личный, отчуждается, становясь элементом не частной жизни, но культуры.

Поэт вне контекста

Имя Анатолия Соломоновича Гейнцельмана (1879—1953) известно, пожалуй, лишь очень дотошным знаатокам русской эмигрантской поэзии. Меж тем сама фигура поэта представляется крайне нетривиальной. Выключенность Гейнцельмана из собственно литературной истории — ну, или по крайней мере литературных процесса, жизни и быта (публикации его оставались на обочине литературы) — компенсируется извивами его личной судьбы. Родившийся в швабской колонии Шабо, что располагалась близ Одессы, юный поэт рано потерял близких, сам

тяжело болел, «отправился умирать в Италию», как сам замечает в автобиографической заметке, и там влюбился в итальянскую поэзию. Затем последовали возвращения на родину и вновь убытия за границу (в 1906-м, к примеру, пешком ушел в Париж), исцелился; в 1920-м окончательно поселился в Италии, живя чуть ли не затворником.

Наследие поэта огромно — нынешний двухтомник не включает, к примеру, ряд ранних эпигонских текстов, но всё равно внушительен. Весь второй том — материалы из архива Луиджи Леончини, друга поэта, обнару-

женных Леончини-младшим буквально в 2010-м. В этом смысле нынешний двухтомник выполняет двиную функцию — и вводит поэта Гейнцельмана в читательский оборот, и дополнительно открывает неизвестные фрагменты его творчества.

Парадокс при этом в специфике собственно поэзии Гейнцельмана. Перед нами сложный конгломерат неоклассики и различных модернистских течений; наивность прямой лирической субъектности и поистине гигантский культурный контекст, глубочайшая работа с мифопоэтикой. Напрашивается сравне-

ние Гейнцельмана с другим «русским итальянцем» — графом Петром Бутурлиным, мастером сонета и чуть ли не ярчайшим представителем парнасской манеры в отечественном предмодернизме. Как и Бутурлин (по иным, впрочем, причинам), Гейнцельман выпадает не только из социального, но и из собственно поэтического отечественного контекста. Дело здесь не в определенной «безличности» его стихов, не в порою проявляющемся умильным забвении русского синтаксиса, но в некоей иномирной позиции, конструировании совершенно перпендику-

лярного всему миру (и здесь — иная, неожиданная, быть может, аналогия: духовидческая поэзия Даниила Андреева, также выпадающая из всего окружающего). Тем радостней — довольно часто возникающие — прорывы в живую, четкую, почти акмеистическую речь, внутри тотального мифологического мира смотрящиеся очень убедительно: «... И древний демиург Иегова / Вдруг вырастает пред тобой, / И смело начинаешь снова / Диалектический с ним бой // Всю ночь вопросы и ответы, / Как молний блеск, как острый град, / Как безорбитные кометы, — / И дивен Божий вертоград».

Гейнцельман А.С. Столб словесного огня: Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 1. Сборники стихотворений / Под общ. ред. С.Гардзонио.

М.: Водолей, 2012. — 704 с. (Русская Италия) — 500 экз. (п) ISBN 978-5-91763-087-8; 978-5-91763-088-5 (т. 1)

Гейнцельман А.С. Столб словесного огня: Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 2. Материалы архива Л.Леончини / Под общ. ред. С.Гардзонио.

М.: Водолей, 2012. — 432 с. — (Русская Италия). 500 экз. (п) ISBN 978-5-91763-087-8; 978-5-91763-089-2 (т. 2)

Образцовое издание

Заболоцкий Н. Поэмы / Сост., вст. ст. Н.Заболоцкого; Комментар. И.Лошилова, Т.Игошевой.

М.: Прогресс-Плеяда, 2012. — 456 с. 2000 экз. (п) ISBN 978-5-904995-16-4

Поэзия Николая Алексеевича Заболоцкого, безусловно, одно из центральных явлений отечественной культуры минувшего века — и это становится всё яснее и яснее: по крайней мере ни для кого неудивительно вхождение имени поэта в любой, самый короткий список «главных поэтов» двадцатого столетия; иное дело, это тенденция, не умаляя Заболоцкого, показывает ограниченность читательского внимания, желание везде найти главных. В этом смысле показателен посвященный Заболоцкому том из известной серии «Рго et contra», вышедший в позапрошлом году; начинаясь фантастическими по злост-

ности и тупости (за немногими исключениями) откликами 30-х, приведшими к аресту поэта, сменяясь скупыми похвалами последних лет его жизни, — книга венчается посмертными — многочисленными, отличными по методам, подходам и школам, — исследованиями поэзии и биографии Заболоцкого, при этом предложенная подборка — лишь верхушка филологического заболоцковедческого айсберга.

Речь тут о своеобразной моде, но не только о ней. Сама поэзия Заболоцкого — при гротескной четкости ранних стихов и кажущейся прозрачности поздних — представляет собой загадку,

взывающую к интерпретации. Поэтому любое новое издание того или иного фрагмента наследия Заболоцкого, ставящее перед собой подобную цель, помогает открыть в творчестве поэта массу неожиданного.

К такого рода изданиям, безусловно, относится том «Поэм», подготовленный сыном поэта, Никитой Заболоцким, и подробнейше прокомментированный филологами Игорем Лошиловым и Татьяной Игошевой. Собраны под одной обложкой и поэмы, вошедшие в основное собрание, подготовленное самим поэтом: «Торжество земледелия» (с первыми вариан-

тами), «Безумный волк», «Школа жуков», «Деревья», и невошедшая — «Птицы», и, так сказать, осколки поэм: «Лодейников», «Урал», «Творцы дорог», и знаменитый последний цикл «Рубрук в Монголии», и стихотворное переложение «Слова о полку Игореве». Комментарии предлагают историю создания поэм, свод всех разночтений, историкокультурный, мифологический и т.д. контексты. По сути перед нами издание, стремящееся к академическому; его место вполне могло бы быть в «Литературных памятниках», очевидном образце научной публикации текста. Но значимо не

только это: знакомые тексты начинают открывать новые стороны, глубинные смыслы. Так, Лошилов (между прочим, автор монографии, где проводится сравнение «Столбцов» со старшими арканами Таро) уделяет немалое место эзотерическим, натурфилософским и иным такого рода контекстам, невозможным, например, в примечаниях к классическому трехтомнику Заболоцкого.

Нынешнее издание «Поэм», безусловно, станет каноническим, необходимым для всякого исследователя Заболоцкого и — важным этапом к научному собранию поэта.

опыт

открытый урок

В космосе идет дождик

Татьяна Марченко

Дорогие коллеги, друзья. Давайте начнем наш открытый урок литературы. Прошло уже больше ста лет с тех пор, как Лев Толстой, прочитав ранние рассказы Ивана Бунина, сказал: «Идет дождик — ну и что?» И вот опять идет дождик. Мы с вами собрались в этой аудитории. И за сто лет стало понятно, что от того, что в прозе Ивана Бунина идет дождик и иногда больше ничего не происходит, у нас с вами в душе, когда мы это читаем, происходит что-то очень важное. И вот уже более ста лет критики и литературоведы пытаются разобраться, в чем же секрет бунинской прозы и почему нам так пронзительно важно знать, почему идет дождик и чем пахнут антоновские яблоки.

Мне бы хотелось начать с поворотного пункта в жизни Бунина — с того, как он оказался в эмиграции, где неожиданно выяснилось, что он первый, главный литератор русского зарубежья, мэтр русской литературы в изгнании. Как это произошло? До революции Бунин был довольно известным поэтом и прозаиком. Но каким поэтом и прозаиком? Об этом критика уже начала задумываться, появилось новое определение для писателей-знаньевцев — неореалисты. Бунин считался реалистом. Модернистом критики его отказывались считать, и, действительно, отношения с символистами у него не сложились — слишком разные были художественные системы, художественные миры. Бунин получил в русской дореволюционной критике довольно неплохой прием, но он был, скорее, теплый, чем горячий. В нем видели традиционалиста и эпигона русской классики, называли певцом родной природы и уж никак не видели в нем новатора. И вот все начинает постепенно меняться. Блок и Брюсов отрицательно оценивают стихи Бунина, а довольно авторитетный критик Михаил Гершензон пишет, что поэзия Бунина — это некрупный, но чистой воды алмаз. Затем Корней Чуковский поражается деревенским рассказам Бунина и говорит о чуде колдовства, которым они овеяны. Наконец Абрам Дерман, тоже очень авторитетный дореволюционный критик, ставит «Господина из Сан-Франциско» в один ряд с лучшими произведениями Толстого и Чехова. Кажется, новый этап русской прозы, появление нового классика на ее горизонте. И в это время 1917 год обрывает поступательное развитие русской революции.

Бунин бежит сначала в обезумевшую деревню, затем оказывается в Одессе, и там на пике красного и белого террора становится одним из самых яростных публицистов эпохи гражданской войны. В Одессе Бунин не пишет ничего художественного. Он становится публицистом, делает записи в дневнике, которые потом лягут в основу «Окаянных дней», и «Окаянные дни», которые в полном виде были опубликованы только в 1931 году в собрании его сочинений, становятся этапным, переломным моментом его творчества. В этот момент в публицистике происходит рождение нового писателя. Бунин переживает катастрофу России как нечто свое, родное, кровное. Он записывает в дневнике, говорит жене и близким: *«Мои предки брали Казань, а сейчас все светлое хотят переустроить и в мгновение ока разрушить»*. Вот это «мои предки и я» и тысячелетняя Россия, которая прошла через существо одного частного человека, писателя, который писал о том, как идет дождик, и о том, как чудесно осенью пахнут антоновские яблоки, и сделало его новым классиком.

В 1920 году Бунин уже в эмиграции. В 1921 году оформлен устав комитета русских писателей и журналистов во Франции — с Буниным во главе. Это общепризнанный глава и вождь русской литературы в эмиграции. Какой бы мы ни открыли журнал, какое бы начинание в периодике ни затевалось за рубежом, Бунин обязательно оказывался в числе приглашенных. Если журнал «Современные записки» открывался публикацией Бунина, то этот журнал заведомо раскупался и его читали.

Бунинское творчество за границей тоже проходит несколько этапов. Сначала он не знает, о чем писать. Это удивительный творческий кризис, когда оказывается, что писатель оторван от своего материала. Он хватается буквально за все. Он обращается мыслями к Востоку, пытается написать несколько вещей, связанных с буддистской тематикой. Он пишет рассказ «Преображение», казалось бы, на очень узкую тему: умирает крестьянская старуха, ее сын читает Псалтырь около ее гроба в студеную зимнюю ночь и чувствует какое-то преобразование, что-то меняется. Меняется, надо сказать, в этом рассказе что-то чрезвычайно существенное, рождается в этой зимней ледяной ночи новое божество (Бунин даже пишет это

с большой буквы — Мертвое). И мы видим несвойственную Бунину прямолинейную символичность рассказа. Эта старуха, которая умерла студеной зимней ночью — да это Россия, которая лежит на смертном одре! Для Бунина она умерла, но не воскресла. Но преобразилась. И это преобразование мертвой, которая *«встанет, чтобы судить живых»*.

Эта мертвая, эта преобразенная Россия постепенно заполняет творчество Бунина в период эмиграции. Когда Бунин пишет о России, и мы думаем: вот реалистическое изображение России в эмигрантском творчестве Бунина, и не задумываемся о том, какое же оно реалистическое, если этой России уже не существует. Тогда какое же это изображение? И тогда мы должны немного подумать о том, как шло развитие бунина-писателя до революции и что с ним произошло, какой толчок, какая вспышка после революции, что изменилось в его творчестве. А изменилось что-то весьма существенное. Бунин шел по той линии развития русской литературы, которая русскими писателями обычно пренебрегалась. Ее называют артистизмом или флоризмом. Этот тип повествования можно назвать эвокативным (от французского *«éocation»* — вызывание, воскрешение). Писатель старается художественными средствами найти максимально верный эпитет, максимально точное сравнение, чтобы перед вашими глазами воскрешаемый, вызываемый жизнью мир стал максимально живым, максимально приближенным к действительности, почти галлюцинативно осязаемым. Бунинский мир можно не только увидеть — его можно услышать, его можно понюхать, его можно потрогать.

Бунин 30 лет до эмиграции идет именно по этому флореровскому пути — запечатлеть мир во всей его многогранности и разнообразии так, чтобы мы могли его чувствовать так, как будто он нас окружает, запечатлеть его во всей его достоверности. После революции этого сделать невозможно. Остается Россия — Россия в бунинской памяти. Удивительно, но перебравшись в Париж и в Приморские Альпы, где его окружают французское солнце, лавандовые и розовые плантации, Бунин вдруг начинает бешено писать о России. Постепенно ужасы эмиграции отходят на второй план. В жизни писателя появляется новая любовь. В 1924 году на его вилле в Грасе поселя-

ется молодая писательница Галина Кузнецова. Трудно сказать, то ли новая любовь, то ли прекрасный воздух и красота Южной Франции, то ли все накопившееся, пережитое, требовавшее выхода, излияния на бумагу, подталкивают Бунина к созданию новых вещей. И рождается новый Бунин. Он потрясет не только русскую критику, не только русского эмигрантского читателя, но даже читателя советского (его новая повесть успела прийти к советскому читателю, пока еще не были перекрыты границы издательского бизнеса), но даже и французского критика, который, кажется, уже начитался Бальзака, Золя, Доде, Стендаля, Флобера, Франса. Появилась повесть «Митина любовь», и читатель обомлел от того, что он прочел что-то новое.

А что, собственно, нового он прочел? Молодой студент Митя влюбляется в юную Катю, занимающуюся в театральной студии, уезжает на лето в деревню. Там расцветает на его глазах весна. А Катя присылает письмо, что она ему изменила, и Митя стреляется. Стоит ли об этом писать повесть? Сколько уже об этом написано. И чем же она так пленила русского, французского, любого зарубежного читателя? Почему до сих пор она не померкла? Критики пытались в этом разобраться. Пытаются до сих пор разобратся и литературоведы. Нам кажется, что ответ на вопрос «что главное в этой любовной истории?» — не отношения Мити и Кати, а то, перед чем Бунин ставит Митю. Не перед своей любовью к земной девушке, которая болтается где-то в Крыму и изменяет ему с режиссером, а перед самой любовью. Митю терзает не Катя. Митю терзает пришедшая в этот мир весна. В ней все так потрясает, каждая новая день не похож на другой. Пробуждается земля, расцветают цветы, в цвету стоят сады — что-то происходит невероятное в природе, какая-то «месса пола», как назвал это сам Бунин. Это удивительная русская весна. За ней приходит лето, осень. Природа живет своей жизнью. Так это та самая равнодушная природа, о которой писал Пушкин? Почему в ней все так прекрасно? И где же находится человек в этом мире? Почему он так терзается?

Митина любовь, сталкивается с его рацией, с его саморефлексией. Он не может слиться с этим миром. Он не может радостно откликнуться на то счастье, которое осуществля-

ется в природе. Гетевский Вертер застрелился не от того, что Лотта вышла замуж за другого, и не от бюргерской скучной жизни. Мировая скорбь погубила Вертера, и в мировой литературе раздался первый романтический выстрел. Вертера погубила мировая скорбь, а Митю погубило мировое счастье. То счастье, которое без Кати ему оказалось недоступным. И вот эта тема оказывается вечной темой, Буниным, может быть, впервые в русской литературе прочувствованной. Это квинтэссенция, это воплощение мужского и женского начала, которые сталкиваются с чем-то совершенно необъяснимым и до сих пор необъясненным в мире — с любовью.

После «Митиной любви» и нескольких примыкающих рассказов Бунин обращается к удивительному жанру, новому в русской литературе — это сразу почувствовали его читатели, почитатели, критики. Это жанр фрагмента. Бунин выпускает книгу под названием «Божье древо», в нее входит 41 рассказ. Кажется, какая должна быть толстая книга, а ничего подобного — рассказы от восьми строк до полутора страниц. Что же это за рассказы? Зарисовка, дневниковая запись, этюд, эссе, маленький очерк. Кажется, что это все осколки какого-то огромного полотна дореволюционной России с невероятным многоголосьем, многообразием лиц, социальных и человеческих типов. Место, где это происходит — да где угодно: столица, уездные города, деревни, усадьба, река, курорт. И вместе с тем каждый из этих фрагментов — это крошечный роман. Ну казалось бы, о чем идет речь в крошечном, на полстраницы, рассказике-эссе «Журавли»? По степи несется на телеге шальной мужик. Куда он несется, зачем? За улетающим курлычущим журавлиным криком. И в его финальном возгласе «Эх, барин! Улетели журавли!» такая вдруг многомысленная метафора, что совершенно не важно, что это всего несколько строк какой-то зарисовки. Это метафора всей жизни, потерянной жизни, оставленного отечества, утраченных надежд или невозможности прикоснуться к чему-то высшему, что символизируют эти журавли. Куда они летят? Куда они уносят? Души ли это чьи-то? Мы ли хотим душою полететь в какой-то лучший, высший мир и не можем это сделать, и нас держит наше земное обыденное существование? И все это на полстраницы, в скачущем по русской степи

в телеге мужике. И так построен каждый рассказ. Скажем, «Красавица» или «Дурочка» — это несколько строк, но это огромный роман с судьбами, с психологическими ситуациями, которые могут, как из свернутой пружины, развиться на огромное повествование, да хоть на тетралогию. А у Бунина оказываются свернуты, сжаты, как бывает только в лирическом стихотворении. Как «Я помню чудное мгновение...» — несколько четверостиший, из которых мы открываем целую жизнь. Бунин приносил это лирическое открытие в прозу. Мы следим не за отношениями героев — ну какие отношения в рассказе «Журавли»? — нам важно душевное состояние, которое создает Бунин, и вместо, скажем, оппозиции герой—общество создается связь автор—читатель. Бунин создает нам то душевное состояние, которое мы, читая этот крошечный фрагмент, переживаем, и оно становится нашим, мы оказываемся внутри этого бунинского космоса и тем самым выходим в космос более открытые.

Одна из современных исследовательниц Бунина с лаконичнейшей простотой и прямотой сформулировала тему бунинского послереволюционного творчества: космос и душа человека. Действительно, это и есть тема, и проблема Бунина — космос и душа человека. Но как он нам это раскрывает? В теоретических ли понятиях? Ну нет, конечно. Никаких мудрствований. У Бунина есть рассказ «Ночь», который в предварительном наброске назывался «Цикады». Этот рассказ раскрывает и всю силу, и всю слабость Бунина — писателя, мыслителя и художника. Ему хочется дойти до самой сути, поставить какие-то глубокие философские, религиозные, историософские вопросы. Но цикады поют, светит Юпитер, пахнет лавром и апельсином южная ночь, в море можно погрузить руки, задуматься о любви, о любимой женщине, которая дышит рядом. И Бунин-мыслитель вновь растворяется в Бунине-художнике, и мы понимаем, что это самое главное в мире и есть — пережить это мгновение, когда поют цикады, когда ночь пахнет апельсинами и лавром и горит в небе Юпитер или Сириус — пейзаж, к которому мы привыкли, как к декорации. Бунин из этого пейзажа постепенно делает действующее лицо своего повествования — и в этих маленьких фрагментах, и в «Митиной любви», и в «Жизни Арсеньева», к которой он подходит после

этих фрагментов и начинается свой лирический трактат, автобиографический роман — мы до сих пор не можем подобрать адекватного жанрового определения этому чудесному повествованию в пяти книгах — и постепенно подходя к «Темным аллеям», где он и она всегда оказываются перед лицом космоса, перед лицом природы, которая их и сводит, и разводит, и является апогеем их любви, страсти, разлуки, смерти.

От фрагментов 30-х годов Бунин обращается к «Жизни Арсеньева». Мы можем сказать, что это обращение к романной форме отчасти вызвано прагматическими причинами. С 1923 года Бунина выдвигают на Нобелевскую премию по литературе. Все читатели зарубежья восприняли это присуждение Нобелевской премии как невыдуманный национальный праздник — Пасху русской эмиграции. То есть самый главный праздник отторгнутого от России сообщества русских. И премия была присуждена Бунину в тот момент, когда он еще даже не дописал — по-шведски была опубликована только первая часть повествования — «Истоки дней». Бунин получил Нобелевскую премию именно за продолжение классической русской традиции, за традиции повествовательной русской прозы, в тот момент, когда он эти традиции нарушал, когда он создавал совсем новую повествовательную традицию и совершал открытие в этой русской прозе. К флоризму, к артистизму, вот этой эвокативности мира, стоящего, так сказать, на месте, в какой-то момент увиденного, снятого, как на моментальное фото, присоединяется то открытие, в котором Бунин может «параллельно» считаться первооткрывателем наряду с Марселем Прустом. Он открывает текучесть времени и вводит эту текучесть времени в повествовательную прозу. «Жизнь Арсеньева» становится попыткой проследить движение человеческой души, его появление в мир, взросление, мужание и вылупление из человека, из мальчика, юноши творческой личности, писателя.

Бунинское повествование строится совершенно не как роман. Там нет ни завязки, ни кульминации, ни развязки — ничего, что продиктовано нормативными поэтиками. Это совсем ненастоящий роман. О чем же этот роман и кто его главные герои? А главные герои — это элементы жизни, ее главные стихии: любовь, Родина, смерть, природа, литература. И постепенно, от книги к книге, мы видим, как развивается личность, душа человека, связанная или, наобо-

рот, открытая именно этим стихиям: природа, Родина, смерть, литература. На литературе я остановлюсь подробнее. Кажется, что Бунин показывает, как входит в его мир, в его существо русская литература. Он кусками цитирует Жуковского, Пушкина, и мы следуем за ним и думаем: «Ну конечно. Ну так же все было и у нас. Сначала «У Лукоморья дуб зеленый...», а потом «Но я другому отдана и буду век ему верна...» Так же и мы шли, так же и мы развивались в русской литературе. А затем Бунин начинает переписывать «Страшную месть» Гоголя. И вдруг мы видим, как уходит на задний план мальчик Алеша Арсеньев, а на передний план выходит опять публицист и проповедник Иван Бунин и «Страшную месть» делает своим ответом, бросая ее страшные слова, слова мести, большевикам, тому, что произошло с Россией, говоря о том, что месть — это самое главное, что дано человеческой душе. И мы понимаем, что Бунин, как будто бы отрешившись от социально-политических проблем, ни на секунду не забывает того, что произошло с отечеством, что произошло с ним, и что в его сердце, как пепел Класа стучал в сердце Тиля Уленшпигеля, стучит его тысячелетнее отечество.

И только пятая книга, появляющаяся несколько лет спустя — наконец, чисто романное повествование. В эти годы очень много чего вошло. Это разрыв с Галиной Кузнецовой, получение Нобелевской премии. Нобелевская премия была прожита. Куда она рассеялась, не знает никто. Мы ищем по архивам — не можем найти документы, говорящие о том, куда делись эти тысячи франков. Это было очень немало для русского изгнания. И Бунин с характерной отсылкой пишет в письме Борису Зайцеву (уже в 1935 году, а премия получена в 1933-м): «Вишневый сад не куплен». Он хотел купить виллу в Грасе, чтобы она была его собственностью. Вишневый сад не куплен. Ну конечно, как же мог сын промотавшихся помещиков купить этот вишневый сад и стать собственником? Он не мог превратиться в собственника. Русский писатель не может быть собственником. Он перестает быть писателем, а становится кем-то совсем иным, и это предмет для другого рассказа.

Бунин пьет несколько лет, не пишет ничего. Потом появляется «Лица» — наконец романное повествование. С необыкновенной признательностью и благодарностью и Варваре Пашенко, его юной любви, и Галине Кузнецовой, и уж, конечно, Вере Николаевне Муромцевой-Буниной,

Иван Бунин

которая прошла с ним столько лет и была такой удивительной: имузой, и сиделкой, и машинисткой, кем только при нем ни была, всегда оставаясь в тени. После того как заканчивается этот запой, начинается новый. Бунин читает запоем, и его дневник отражает это чтение. И наконец третий этап. Перед самой Второй мировой войной, и в мировую войну, что пишет Бунин? Он сам себя называет Боккаччо, который писал во времена свирепствовавшей чумы. Он пишет «Темные аллеи» — явление в русской литературе неслыханное, небывалое. Когда он стал печатать их в разгар войны в Америке, отсылая из Франции в «Новый журнал», организованный эмигрантами, уже туда откатившимися, начались обвинения Бунина в эротике, в натурализме и даже в порнографии. Сейчас нам смешно это читать. В русской литературе появляется цикл совершенно изумительных рассказов, которым нет ничего равного по формальному мастерству. Хорошо, мы не будем это ставить рядом с «Войной и миром» и с «Преступлением и наказанием». А с чем

рядом это можно поставить? Сначала появилось одиннадцать новелл, затем к ним присоединились другие — и так возник цикл из 38-ми рассказов. В этих рассказах нет никаких типов. Бунин действительно не создал типов. Нет у него ни Онегина, ни Печорина, ни Базарова, ни Наташи Ростовской, ни Сонечки Мармеладовой. Но даже его безымянные герои поражают тем, что удалось пережить или не удалось пережить.

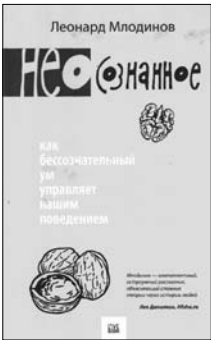
Бунин чрезвычайно тонко сцепляет рассказы цикла. Уже в первом рассказе, в «Темных аллеях», которые и дали название книге в целом, он заставляет встретиться двух молодых людей. Казалось бы, как традиционно для русской литературы! Боже мой, какое «Воскресение» Толстого, развивающейся по другой сюжетной коллизии! Вот он, проживший целую петербургскую жизнь богатого человека, аристократа, чиновника. Вот она. Ей дали денег, она не погибла, как Катюша Маслова. Она хозяйка постоялого двора. Она одинока. Жизнь ее прошла впустую. Осталось только воспоминание

о юной любви и то, что она не простила ему. А что у него? Разбитая семейная жизнь, светское и, в общем-то, пустое существование в свете. Оказывается, что ничего лучше этого мгновения не было в жизни. И таким образом Бунин сразу задает тон всему сборнику. Да, это та же русская литература. Вы ее узнаете, но она развивается по другим коллизиям. Ничего социального. Какая разница, что он аристократ, а она горничная? Какая разница, что он офицер, а она журналист? Это опять те же мужчина и женщина, которые оказываются перед колеблемым треножником нового двуликого божества — Эроса и Танатоса, любовь и смерть. И попробуй переживи это мгновение так, как Бунин заставляет пережить своих героев. И мы вместе с героями, Русей или Натали, переживаем удивительное, необычайное ощущение внезапно захватившей героев любви. И вместе с другими героями — скажем, «Пароход «Саратов»» или «Кавказ», или «Ворон», или «Алупка», — мы переживаем другое: то, что у людей этого не случается в

жизни. Откуда эти ссоры? Почему эти семейные драмы? Почему люди не могут жить друг с другом? И почему, в конце концов, раздается выстрел, если они друг друга не любят? Почему бы не оставить друг друга в покое? Это выстрел из-за пустоты. Человека разрывает от невозможности пережить любовное чувство, которое, в сущности, оказывается самым главным в жизни. И человек переживает его не в социуме, не в обществе, — не в этом дело. А дело в том, что есть космос, природа. И герой «Натали» говорит любимой девушке ночью, глядя в сад: «Как все-таки прекрасны эти белые березы при лунном свете! Как волшебна эта внутренность залитого луной сада!» Какое же это объяснение в любви? Какая внутренность сада? И вдруг на эту внутренность Натали совершенно правильно откликается — говорит: «Да-да, я вас люблю». Она все понимает. Гроза оказывается апогеем страсти. В лунную ночь герои объясняются в любви и соединяются снова. И когда мы читаем финальный план, финальную фразу «В декабре она умерла на Женевском озере в родах», оказывается, это не план финала — это план начала. Она умерла и он вспоминает о том волшебном миге, каким была их встреча, о том, что они пережили. И этот план, в сущности, не значит уже ничего, потому что все осталось в нем, осталось в памяти, как в памяти Бунина осталась Россия, которую он перед нами волшебными эвокативными средствами и вызывает. И та реальность, которую он изображает, — это не реальность того мира, который уже не существует. Подлинная реальность осталась в русской литературе. Русская литература становится тем мифом, который и ложится в основу позднего бунинского творчества.

Мы читаем его «Темные аллеи», как бы мы прочитали заново переписанную русскую классику, но переписанную уже не реалистическими, а модернистскими средствами. Остается бытийность, мир, который описан так, как будто он продолжает существовать сейчас. Но появляется и нечто новое. Появляется символика, появляется всеобъемлющая метафора, когда нам все равно, как зовут героев, а главное — то душевное состояние, которое прозаическими, лиропрозаическими, средствами Бунин сумел изобразить и вложить в наши души. Именно поэтому, может быть, сегодня идет дождик, и к недоvolьству Льва Толстого мы продолжаем читать Бунина, сидим здесь и говорим о нем. Большое вам спасибо за внимание.

①

②

③

④

⑤

⑥

1

Вглубь психического

Млодинов Л.
(Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением / Пер. с англ. Ш.Мартыновой.

М.: Livebook, 2012. – 360 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-904584-34-4

Научно-популярная литература переживает на книжном рынке — теперь уже и отечественном — второе рождение, что требует отдельного глубокого анализа. Книги и российских авторов, и переводные, посвященные самым различным областям знаний, естественным образом неравноценны. Но имя Леонарда Млодинова (как-никак соавтора Стивена Хокинга!) являясь очевидным знаком качества. Популяризатор открывает механизмы человеческой психики и поведения, модели трансформации бессознательного в поступок или мысль — но делает это изящно, совмещая собственно научную базу с большим количеством занятных примеров. Современная западная психология не всегда оперирует принятыми у нас конструктами; тем приятней, что Млодинов, кажется, не является фанатичным адептом ни психоанализа, ни бихевиоризма, ни когнитивной психологии. Хотя академика Павлова можно было б упомянуть.

2

Роли и функции

Шенар А.
Возлюбленные и ненавистные: женщина в еврейской литературе от Библии до наших дней / Пер. с иврита С.Гойзман, М.Сегал, А.Тарн.

М.: Мосты культуры / Гешарим, 2012. – 288 с. Тираж не указан. (п) ISBN 978-593273-366-0

Роль женщины в древней, средневековой, новой еврейской литературы — роль неоднозначная и многообразная — подробно рас-

сматривается в книге Ализы Шенар, литературоведа и фольклориста, посла государства Израиль в России в 1994–1997 гг. Интересно строение книги: исследовательница исходит не из прямой хронологии, но тематизирует разделы работы, выделяя специфические роли и функции, в которых выступает женщина в еврейской словесности. Здесь видна фольклористическая закладка Шенар, своего рода вариация проповского метода. Рассматриваются роли «изгнанной рабыни», «нелюбимой жены», «девушки, подвергающейся насилию», «вечной девственницы», «наложницы», функции борьбы и любовного союза. От библейского предания к новейшей ивритской литературе эти роли и функции наделяются самыми различными смыслами, приобретают разные типы пафоса либо остранения.

3

Сочинения мистагога

Гурджиев Г.
Взгляды из реального мира / Предисл. А.Ровнера.

М.: Энигма, 2012. – 376 с. – (Постскриптум). 4000 экз. (п) ISBN 978-5-94698-102-6

Загадочный чародей и мистагог, а равно и авантюрист Георгий Гурджиев (1874–1949) оставил крайне занимательное литературное наследство, выходящее за пределы сугубо эзотерических интересов. В новом томе Гурджиева публикуются тексты и известные читателю, и неизвестные — по крайней мере за пределами круга адептов. Среди первых — трактат «Взгляды из реального мира», занимающий основную часть тома. Среди вторых — балетное либретто «Борьба магов», интересно ложащееся в контекст символистских театральных идей, и «Афоризмы», подчас кажущиеся крайне банальными («Помни себя всегда и везде»), подчас парадоксальные («*Не относись эмоционально к искусству*») — но всегда укладывающиеся в гурджиевскую модель мироздания.

4

Судьба государя

Александр II. **Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сб. статей** / Отв. ред. В.В. Лапин.

СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2012. – 296 с. 600 экз. (о) ISBN 978-5-94380-132-7

Династия Романовых — в том числе и по собственной вине — полнится трагическими фигурами, и не только в век переворотов, но и в следующем столетии, неумолимо катившемся к гибели старого режима. Настоящий сборник посвящен не «русскому Гамлету» Павлу, не его сыновьям — Александру, победителю Наполеона, мечтателю и чуть ли не будущему сибирскому старцу, или Николаю, начавшему правление с декабристов, а закончившему бесславным крымским поражением, — но Александру II, который, несмотря на половинчатость совершенного им и на трагическую гибель от бомбы революционеров, всё-таки обычно представляется эдаким светлым пятном в истории династии. Тем не менее участники тома пишут об Александре II именно как о фигуре трагической, рассматривая и судьбы его недовершенных реформ, и саму репутацию государя.

5

Продолжение формализма

История литературы. Поэтика. Кино. Сб. в честь Маризтты Омаровны Чудаковой / Ред.-сост. Е.Лямина, О.Лекманов, А.Осипов.

М.: Новое издательство, 2012. – 584 с. – (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 9). Тираж не указан. (о) ISBN 978-5-98379-166-4

Сборник, посвященный знаменитому филологу и общественному деятелю, содержит в заголовке отсылку к знаменитому тому сочи-

нений Юрия Тынянова, подготовленному Чудаковой совместно с А.П. Чудаковым и Е.А. Тодесом. Этот знак преемственности не случаен: исследовательница русской прозы 1920–30-х и научного наследия формалистов, инициатор знаменитых «Тыняновских чтений», автор классических книг о Булгакове, Зощенко, Олеше, Чудакова давно сама — символ отечественного интеллектуала и — одновременно — интеллигента. В томе представлены работы крупнейших отечественных русистов — Константина Азаповского и Константина Богомолова, Сергея Бочарова и Стефано Гардзонио, Вячеслава Вc. Иванова и Веры Мильчиной, Татьяны Никольской и Ирины Роднянской, Романа Тименчика и Лазаря Флейшмана.

6

Вестник комиссии

Пастернаковский сборник: Статьи и публикации. Том I / Редкол.: А.Л. Оборина, Е. В. Пастернак.

М.: РГГУ, 2011. – 464 с. 300 экз. (о) ISBN 978-5-7281-1255-6

Настоящий том — первый в предполагаемой серии изданий Пастернаковской комиссии РАН. В предисловии академик Вяч. Вс. Иванов отмечает разнообразие сборника (не отказываясь от тонких шпилек в отношении отдельных работ). В самом деле, том весьма разнообразен. А.И. Шмаина-Великанова рассматривает образ Марины Цветаевой у Пастернака; Н.А.Фатеева пишет о пастернаковской «эстетике небрежности». В.Г. Смолицкий ставит вопрос о взаимодействии Пастернака с эсерами; К.И. Поливанов изучает типы окончаний пастернаковских стихов и четверостиший. Целый блок посвящен различным аспектам исследования «Доктора Живаго» — от исторического дискурса в романе (Ю.В. Шатин) до поэтики стихов Юрия Живаго (В.И. Тюпа). Присутствует и ряд публикаций, среди которых можно выделить фрагменты дневника С.Д. Спасского и два письма Пастернака Владимиру Нарбуту.

Автор рецензий — Данила Давыдов

Юлия Лялина

Шведская семья

Ингемарсон К.
Проще некуда / Пер. со швед. В.Петруничевой.

М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. – 352 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-389-04333-6

Как вампирам удаётся прилично выглядеть, если они не отражаются в зеркалах? Вот главная героиня «Проще некуда» себя в зеркале различать перестала — и сразу всё пошло наперекосяк. Справедливости ради: Анника не мистическое существо, а обычный человек. Однако проблема видимости-невидимости таки стала для неё ключевой. Погружение в семейные хлопоты год за годом вымывало индивидуальность, муж прекратил смотреть по-особенному, и героиня видела в отражении старый джемпер, секущиеся волосы — но не себя саму. И вдруг появился человек, начавший всматриваться.

Любителям адреналинового рафтинга здесь поживиться нечем: злостные любовной лодки, которой грозят рифы бытовых проблем и водоворот служебного романа, описаны пресно. Впрочем, «рифы» — бытовые детали чужой страны — небезынтересны.

Анастасия Горячева

Персидское гостеприимство

Сераджи М.
Крыши Тегерана / Пер. с англ. И.Иванченко.

М.: Эксмо ; СПб.: Домино, 2012. – 432 с. 4000 экз.(п) ISBN 978-5-699-55643-4

Литературный дебют Махбод Сераджи — неожиданное приглашение внутрь жизни Тегерана. 17-летний Пашэ расскажет другу Ахмету и читателям о своих переживаниях, впечатлениях, событиях в школе и любви к соседке Зари, поделится секретами и пожалуется на маму, которая пытается гадкой микстурой вылечить его от интроверсии. Общие для всех народов любовь и дружба, забота и жертвенность переплетаются с особенностями страны, в которой общение между молодыми людьми разных полов не поощряется, а книги Карла Маркса и Максима Горького в списке запрещенных. Череды испытаний заставляет ребят быстро повзрослеть, научиться брать на себя ответственность за принятые решения. Но даже в самой сложной ситуации внутренняя сила позволяет выдержать все и надеяться на, казалось бы, невозможный благополучный конец.

КНИГИ, КОТОРЫЕ ВДОХНОВЛЯЮТ

TRUE STORY

Реклама

Захватывающая история Джессики Уотсон, совершившей одиночное кругосветное путешествие в 16 лет.

www.eksmo.ru

ВЫ МОЖЕТЕ НАЧАТЬ С МЕЧТЫ.
И ОНА ПРИВЕДЕТ ВАС К ЦЕЛИ.
ПРОСТО НЕ СДАВАЙТЕСЬ. В ЭТОМ СУТЬ.

Современно! Мобильно! Выгодно!

Новинка!

Атрибут современного учителя начальной школы

Содержит все необходимые для работы программы, методические рекомендации, нормативные материалы, соответствующие требованиям ФГОС НОО

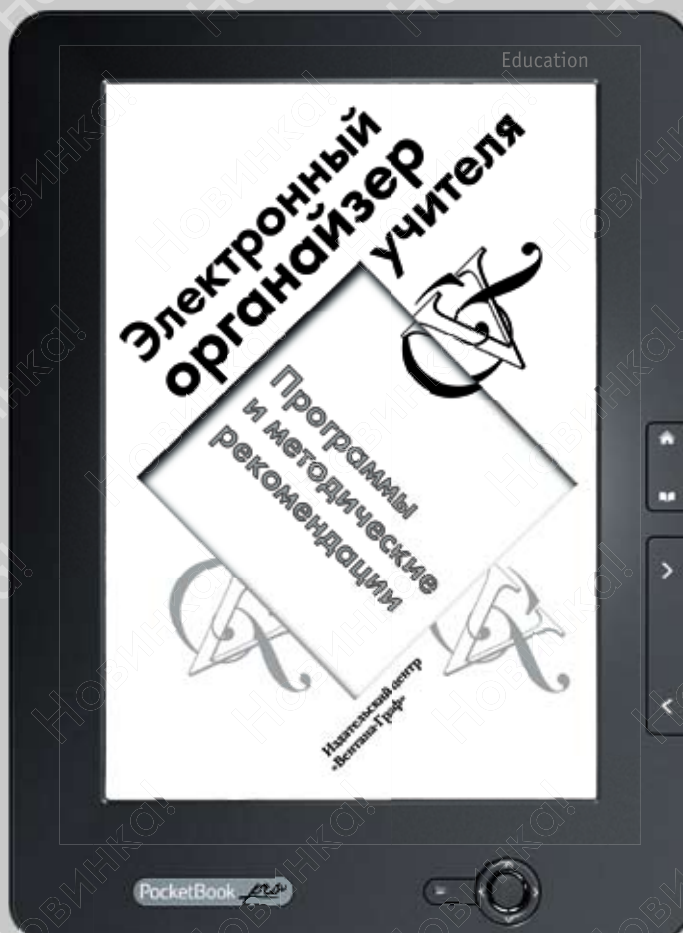
Обеспечивает быстрый и удобный доступ к необходимой информации, позволяет создавать, систематизировать и хранить собственные рабочие материалы

Зарегистрируйтесь на сайте Издательского центра «ВЕНТАНА-ГРАФ» www.vgf.ru и вы сможете обновлять имеющиеся или получать новые рабочие материалы

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

ВЕНТАНА
ГРАФ

А также в PocketBook:

- 500 книг
- WiFi, Bluetooth
- Дигитайзер
- Возможность чтения книг голосом
- Поддержка всех популярных форматов книг (20 форматов)
- Регулярные обновления прошивки
- Встроенные словари ABBYY Lingvo
- Уникальное программное обеспечение для чтения книг

Тел./ факс: (495) 611-15-74, 611-23-59 E-mail: pr@vgf.ru, sales@vgf.ru
Посетите наш интернет-магазин на сайте: www.vgf.ru

Х ФЕСТИВАЛЬ ЗДОРОВЬЯ BezTabletok.Ru РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

(Москва, м. «Библиотека им. Ленина», ул. Воздвиженка, 3/5)

6 - 16 декабря 2012 г.

На наших ежегодных Фестивалях проводились встречи
с такими известнейшими авторами, как:

**СИНЕЛЬНИКОВ, МЕГРЕ, ТОРСУНОВ
НОРБЕКОВ, ЛЕВИ, БОЛОТОВ, НЕКРАСОВ
ЩЕТИНИН, ВИЛУНАС, МАЛАХОВ, ДИКУЛЬ
СЕМЕНОВА, ПУЧКО, НЕУМЫВАКИН
ПРАВДИНА, ЖИКАРЕНЦЕВ
и другие...**

Абонементы и билеты можно будет приобрести в театральных кассах города, а также в
магазине «Помоги себе сам» (т. (499) 742-8358), ресторане «Джаганнат» (т. +7(495) 628-3580)
и в магазине «Белые облака» (т. +7(495) 621-6125).

Оформить заказ с доставкой на дом можно по телефону компании «АРТ МЕТРО» +7(495) 411-9131

Подробную программу Фестиваля можно узнать на сайте www.beztabletok.ru или по тел. +7(495) 964-1354

**По вопросам размещения рекламы
в изданиях ИД «Книжное обозрение»
обращайтесь**

по тел. (495) 689 14 55.

e-mail: adv@knigoboz.ru, nabokova@knigoboz.ru

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

В Москве:

«Библио-Глобус» ст. м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, 6. Тел. 924-46-80

«Гиперион-БУК» ст. м. «Римская»,
«Площадь Ильича», ул. Рабочая,
38. Тел. +7 916 613 42 86

«Гилея»
Тверской бул., 9.
Тел. (495) 925-8166

«Книги в Билингве»
Кривоколенный пер., 10, стр. 5.
Тел. (495) 623-66-83

Дом Книги «Медведково»
Заревый пр., 12.
Тел. (499) 476-16-90

«Джаббервоки»
ул. Покровка, 47/24, стр. 1.
Тел. (495) 917-59-44

«Додо» Рождественский бул., 10/7.
Тел. (495) 628-67-38

Книжная лавка при Литинституте
им. А.М.Горького
ст. м. «Тверская»,
Тверской бул., 25. Тел. 694-01-98

Книжная лавка ВГБИЛ
ст. м. «Таганская»-кольцевая,
«Китай-город», ул. Никольямская, 1,
центральный вход. Тел. 915-31-00

«Книжный при музее»
(«Циолковский») ст. м. «Лубянка»,
Новая площадь, 3/4,
Политехнический музей,
подъезд 7Д. Тел. 628-64-42

«Молодая гвардия»
ст. м. «Полянка»,
ул. Б. Полянка, 28. Тел. 238-50-01

Московский Дом книги
ст. м. «Арбатская»,
ул. Новый Арбат, 8.
Тел.: 203-82-42, 203-75-60

«Москва» ст. м. «Пушкинская»,
«Тверская», ул. Тверская, 8.
Тел. 629-64-83

«Фаланстер»
ст. м. «Пушкинская»,
Малый Гнездиковский пер.,
12/27. Тел. 749-57-21

В Санкт-Петербурге:

ООО «Санкт-Петербургский
Дом книги»
Невский просп., 28.
Тел. (812) 448-23-55

Частное учреждение культуры
«Дворец культуры им. Крупской»
Проспект Обуховской обороны,
105. Тел. (812) 412-45-08

В Иркутске:

«Мир книг»
ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98

«Книга-маркет»
ул. Улан-Баторская, 2.
Тел. (3952) 52-63-39

«Иркутская книга»
ул. К. Маркса, 12.
Тел. (3952) 201-911

«ПродаЛитЪ»
ул. Байкальская, 172.
Тел. (3952) 51-30-70

«ТЦ ПродаЛитЪ»
ул. Партизанская, 1.
Тел. (3952) 20-66-07

«ПродаЛитЪ»
Советский пер., 1.
Тел. (3952) 51-82-95

г. Ангарск:
«Ангарский ПродаЛитЪ»
ул. Ленина, 30.
Тел. (3951) 52-82-69

г. Братск: «Братская книга»
ул. Крупской, 27.
Тел. (3953) 42-85-06

г. Улан-Удэ: «Книжный ряд»
ул. Шумяцкого, 3а.
Тел. (3012) 42-06-83

г. Шелехов: «Шелеховский
ПродаЛитЪ»
5-й квартал, 23а.
Тел. (39510) 4-41-01

В Нижнем Новгороде:

Сеть магазинов «Дирижабль»:
ул. Большая Покровская, 46.
Тел. (831) 434-03-05

ул. Большая Покровская, 46.
2-й этаж – Литературное кафе
«Библиотека»
Тел. (831) 433-89-34

ул. Белинского, 118.
Тел. (831) 278-78-47

ул. Щербакова, 2.
Тел. (831) 270-45-66

ул. Советская, 19/2.
Тел. (831) 246-37-85

В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр»

Магистр-Чехова

ул. Чехова, 31.
Тел. (863) 263-53-31

Магистр-Универсальный

ул. Б. Садовая, 67.
Тел. (863) 299-98-96

Магистр
ул. Зорге, 68.
Тел. (863) 266-09-10

Магистр-Северный
ул. Королева, 22/30.
Тел. (863) 248-63-87

В Таганроге:

Магистр-Таганрог
ул. Петровская, 42.
Тел. (824) 32-40-01

В Волгодонске:

Магистр-Волгодонск
ул. 30-летия Победы, 9.
Тел. (292) 7-43-78

В Ставрополе:

Магистр-Ставрополь
ул. Голенева, 49.
Тел. (8652) 26-62-95

В Молдове:

"Liga Presei"
Chisinau. bd. Stefan cel 196.
Тел. +373-22-21-85

В Риге:

Sia Yanus:
Рига, ул. Езусбазицас, 7а.
Тел. магазина (+371) 722-17-78,
722-17-76. Тел. оптового склада
(+371) 722-14 67

На Украине:

ДП «Саммит-книга»
г. Киев, ул. М. Берлинского, 9.
Тел. +380-44-501-93-94

В Берлине:

«Русские книги» Кантштрассе 84
10627.
Тел. 030/323-48-15

Русский дом науки и культуры
«Русские книги»
Фридрихштрассе 176-179 10117.
Тел. 030/200-76-164

бестселлеры

Fiction

Рейтинги и рецензии читателей социальной книжной сети LiveLib.ru

Fiction – самые обсуждаемые книги			
место	автор, название, издательство	кол-во рецензий	
1	Э.Л. Джеймс. Пятьдесят оттенков серого . М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012.	16	
2	Ольга Громыко. Космоэколухи . М.: Альфа-книга, 2012.	9	
3	Шейн Джонс. Остаемся зимовать . М.: АСТ, Астрель, Мн.: Харвест, 2012.	8	
4	Сьюзен Коллинз. Сойка-пересмешница . М.: Астрель, 2012.	8	
5	Стиг Ларссон. Девушка с татуировкой дракона . М.: Эксмо, 2009.	8	
6	Дафна Дюморье. Ребекка . М.: АСТ, Астрель, 2009.	8	
7	Джером Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи . М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010.	7	
8	Дэниел Киз. Цветы для Элджернона . М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010.	7	
9	Энтони Берджесс. Заводной апельсин . М.: АСТ, Астрель, 2010.	7	
10	Олдос Хаксли. О дивный новый мир . М.: Азбука-классика, 2000.	7	

Самые популярные рецензии

«Пятьдесят оттенков серого» Э.Л. Джеймс – от augustin blade

На самом деле это более чем забавное чтение. Я даже смирилась со стилем (фанфик всегда остается фанфиком), а моя бурная фантазия представляла все сцены в более чем пикантных красках, пока часть моего внутреннего «я» в лице монашки какого-нибудь старого ордена била тревогу, запинаясь в чулане. Читается легко, кошмары потом не снятся и во грех как таковой это творение не вводит. Но есть одно «но», то самое «но», которое подпортило мне всю малину. Из-за него мои красочные фантазии постоянно носили на челе своем пятно грязи.

Все персонажи этого произведения – начиная от мам и заканчивая сладкой парочкой в поисках запретного на фоне общения с псевдоюридической документацией - скажут только так. Во всех смыслах, но я не про основную. Меня жутко раздражает, когда не выдерживается от и до характер персонажа, а в нашем случае такие недозволенные шалости расцветают тут и там. Да, я понимаю, что к такого рода текстам такая претензия кажется идиотской, но тем не менее я негодовала.

«Пятьдесят оттенков серого» Э.Л. Джеймс – от rootrude

Этот замечательный роман принято обвинять во всех смертных грехах. Мол, пародия на «Сумерки», нечитаемая ерунда (да и покрепче выражения встречаются), примитивный эротический роман и т.д. А судьи кто? Огульно обругать способен каждый! А вот увидеть в этом романе нечто большее, чем просто фанфик на «Сумерки» — это слишком сложно. Это же надо головой думать! Ведь никто не увидел в этом романе тонкого психологизма, достойного и Франца Батковича Кафки. Никто не обращает внимания на богатейший внутренний мир Анастейши. Почему, например, она может достичь оргазма только после приказа? А многие из вас могут похвастаться *«танцующим подсознанием, оборачивающимся в весы Фемиды»*, который так рьяно порой спорит и с самой Анастейшей, и с её *«внутренней Богиней»*? Максимум, что у вас есть, критиканы, это банальный «внутренний голос». Вот поэтому вы и не способны понять этот роман.

А я смело могу утверждать, что эта книга — это отображение целой эпохи, в которой есть место и «небожителям» с многомиллиардным состоянием, и невинным цветочкам, которые так легко может сорвать каждый такой небожитель...

Год черной змеи

Тройка лидеров категории художественных книг в переплете меняется с пугающей быстротой. На этот раз борьба за первую строчку развернулась между двумя зарубежными бестселлерами, только-только изданными на русском языке — «Пятьдесят оттенков серого» и «Танец с драконами. Грезы и пыль» американского писателя-фантаста, сценариста и продюсера Дж. Р. Р. Мартина. Последний является автором одного из самых продуманных фэнтези-циклов последнего времени, признанного во всём мире. Из планируемых семи романов саги написаны и опубликованы на сентябрь 2011 года пять, из которых четыре изданы в России: «Игра престолов», «Битва королей», «Буря мечей» и «Пир стервятников». На Западе бокс с четырьмя книгами автора обойдется вам в весьма кругленькую сумму — 21 доллар. Каково?

Харуки Мураками за прошедшую неделю потерял сразу три позиции. А интерес к уже несвежему бестселлеру Сергея Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» активизировала экранизация, недавно вышедшая в прокат

Тишь и благодать царит в категории художественных книг в обложке. Чего не скажешь о топ-10 non/fiction переплет. Здесь наконец-то сменился лидер. Им стала книжка «узника совести» Михаила Ходорковского «Тюрьма и воля». Последняя положила конец безраздельному властвованию «Несвятых святых» и других рассказов» архимандрита Тихона. Впрочем, расслабляться Ходорковскому еще рано: в десятке оказался священник Ярослав Шипов и его «Райские хутора и другие рассказы».

В новичках недели — «Друзья и звезды» Михаила Веллера — 12 бесед писателя со знаковыми фигурами советской и российской культуры, с которыми его связывают многие годы дружбы. Все герои рассказывают и о своей профессии, и о жизни, как они ее понимают. Сергей Юрский, Борис Стругацкий, Евгений Евтушенко, Дмитрий Быков, Андрей Макаревич — у каждого из этих талантов свой взгляд на эпоху, поэтому в результате получилась развернутая панорама нашей страны и культуры.

Ну а 2013 год, как утверждают астрологи, пройдет под знаком черной водяной змеи. Одноименная брошюра, оказавшаяся в десятке нехудожественных книг в обложке, думается, как нельзя лучше поможет нам во всеоружии встретить такое волнующее событие.

Людмила Шибанова

переплет				обложка			
место	автор, название, издательство	(пред. нед. / всего нед.)		место	автор, название, издательство	(пред. нед. / всего нед.)	
1	Э.Л. Джеймс. Пятьдесят оттенков серого . М.: Эксмо, 2012.	(1/3)		1	Сергей Тармашев. Древний. Час воздаяния . М.: АСТ, Астрель, 2012.	(1/2)	
2	Джордж Мартин. Танец с драконами. Грезы и пыль . М.: АСТ, Астрель, 2012.	(-/1)		2	Денис Шабалов. Метро 2033: Право на силу . М.: Астрель, 2012.	(2/2)	
3	Сергей Лукьяненко. Новый Дозор . М.: Астрель, 2012.	(3/11)		3	Кирилл Бенедиктов. Эльдорадо. Кн. 1. Золото и кокаин . М.: Эксмо, 2012.	(-/1)	
4	Ник Перумов. Гибель Богов-2: В 2 кн.: Кн. 1: Память пламени . М.: Эксмо, 2012.	(4/3)		4	Екатерина Вильмонт. Шалый малый . М.: Астрель, Полиграфиздат, 2012.	(6/7)	
5	Харуки Мураками. 1Q84. Тысяча Невест сот Восемьдесят Четыре: Кн. 3: Октябрь-декабрь . – М.: Эксмо, 2012.	(2/3)		5	Дарья Донцова. Фанатка голого короля . М.: Эксмо, 2012.	(7/4)	
6	Эдвард Радзинский. Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Гибель богов . – М.: Астрель, 2012.	(-/2)		6	Дарья Донцова. Всем сестрам по мозгам . М.: Эксмо, 2013.	(3/2)	
7	Виктория Токарева. Короткие гудки . СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.	(5/3)		7	Сурен Цормудян. Метро 2033: Наследие предков. Tod Mit Uns . М.: Астрель, 2012.	(4/5)	
8	Роман Злотников. Генерал-адмирал. Война . М.: Астрель, 2012.	(6/2)		8	Максим Дубровин. Сыщики: Кн. 1: Король воров . М.: Этногенез, 2012.	(4/5)	
9	Сергей Минаев. Духless. Повесть о ненастоящем человеке . М.: Астрель, 2012.	(-/1)		9	Дмитрий Колодан. Зеркала: Кн. 1: Маскарад . М.: Этногенез, АСТ, 2012.	(8/4)	
10	Маша Трауб. Замочная скважина . М.: Эксмо, 2012.	(9/2)		10	Захар Петров. Метро 2033: Мюс . М.: Астрель, 2012.	(9/6)	

переплет				обложка			
место	автор, название, издательство	(пред. нед. / всего нед.)		место	автор, название, издательство	(пред. нед. / всего нед.)	
1	Михаил Ходорковский. Тюрьма и воля . М.: Говард Рорк, 2012.	(5/2)		1	Вадим Зеланд. Взлом техногенной системы . СПб.: Вест, 2012.	(1/3)	
2	Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы . – М.: Сретенский монастырь, ОЛМА Медиа Групп, 2011.	(4/26)		2	Самая нужная книга для самого нужного места . М.: Астрель, 2012.	(1/12)	
3	Николай Стариков. Сталин. Вспоминаем вместе . СПб.: Питер, 2013.	(6/4)		3	Сергей Лазарев. Опыт выживания: Ч. 5: Диагностика кармы (вторая серия) . СПб.: Лазарев, 2012.	(10/7)	
4	Михаил Веллер. Друзья и звезды . М.: Астрель, 2012.	(-/1)		4	Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей . М.: Альпина Паблишер, 2012.	(9/92)	
5	Владимир Познер. Прощание с иллюзиями . М.: Астрель, 2012.	(1/6)		5	Юлия Гиппенрейтер. У нас разные характеры... Как быть? – М.: Астрель, 2012.	(3/7)	
6	Уолтер Айзексон. Стив Джобс . М.: Астрель, Corpus, 2012.	(2/22)		6	Встречаем Новый год Черной змеи . М., 2013.	(-/1)	
7	Карен Блюменталь. Стив Джобс. Человек, который думал иначе . М.: Астрель, 2012.	(3/4)		7	Парижанка и ее стиль . М.: Астрель, 2012.	(-/1)	
8	Священник Ярослав Шипов. Райские хутора и другие рассказы . – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.	(-/1)		8	Елена Чайка. Первая книга малыша . М.: Астрель, 2012.	(-/1)	
9	Вадим Демчог. Играющий в пустоте. Великая печать . СПб.: Вектор, 2012.	(-/2)		9	Дмитрий Щеглов. Фаина Раневская. «Судьба-шлюха» . М.: АСТ, 2008.	(6/126)	
10	Евгений Сатановский. Если б я был русский царь: Советы Президенту . М.: Эксмо, 2012.	(-/1)		10	Баррингтон Барбер. Как нарисовать все что угодно . М.: РИПОЛ классик, 2012.	(8/5)	

Рейтинги составлены по результатам продаж в торговых сетях «Амадеос», «Амиталь», «Новый книжный», «Буква», «Лабиринт», «Магистр», «Буквоед», «Книжный клуб «36.6», «У Сытина», «Молодая гвардия», в московских магазинах «Библио-Глобус», «Московский Дом книги на Новом Арбате».

«Книжное обозрение» заинтересовано в расширении списка наших партнеров, предоставляющих информацию о сбыте.

ПОДПИСКА – 2013

Уважаемые читатели!

«Книжное обозрение» – самая авторитетная в России цветная газета о книгах и книгоиздании. В ней вы найдете самую актуальную информацию о книжных новинках во всех сегментах литературы, тематические рубрики, рейтинги продаж, аналитические материалы и обзорные статьи о ведущих писателях и книжном сообществе. Также существует профессиональное приложение «PRO», которое содержит в себе все новости книжного бизнеса.

«Книжное обозрение» – с 1966 года вместе с вами! Спешите подписаться!

Ф. СП-1

Министерство связи

АБОНЕМЕНТ на газету журнал

книжное обозрение

на 2013 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

газету журнал

книжное обозрение

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов
пере-адресовки	руб.	коп.		

на 2013 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

С 1 сентября на всей территории России началась подписка на газету “Книжное обозрение” на первое полугодие 2013 года!

(Стоимость с доставкой уточните у оператора почтового отделения)

Подписка осуществляется:

По объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый, для г. Москвы – с. 145):

Индекс 50051: газета «Книжное обозрение»;

Индекс 83102: газета «Книжное обозрение» с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

По каталогу российской прессы «Почта России» (для г. Москвы – с. 140):

Индекс 12823: газета «Книжное обозрение»;

Индекс 12786: газета «Книжное обозрение» с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

Подписку можно оформить в почтовых отделениях связи

Вниманию читателей!
Приложение «PRO» в розницу не распространяется
Подписка через альтернативные агентства подписки

ООО «Информ-система». Тел. +7 (499) 124-04-79; факс +7 (499) 124-99-38; e-mail: info@informsystema.ru
ООО «Информнаука». Тел. +7 (495) 787-38-73; факс +7 (495) 152-54-81; URL: www.informnauka.com; e-mail: alfimov@viniti.ru
ЗАО «МК-Периодика». Тел. (495) 672-70-12; e-mail: info@periodicals.ru; URL: www.periodicals.ru
ООО «Интер-Почта-2003». Подписка только в России.
Тел. +7 (495) 500-00-60; факс +7 (495) 788-00-60; URL: www.interpochta.ru; e-mail: interpochta@interpochta.ru
ООО «Деловая Пресса». Тел.: +7 (8332) 37-72-03, +7 (8332) 37-72-04; e-mail: delpress-zakaz@yandex.ru
ООО «Агентство ГАЛ». Подписка для юридических лиц на территории европейской части России и на Украине.
Тел.: (495) 981-03-24, 788-39-88; e-mail: artos-gal@mail.ru.
ООО «Союзпресс». Подписка в России и Белоруссии. Тел. +7 (495) 675-09-40.
ООО «Агентство “Урал-Пресс”». Подписка в России и странах СНГ. Тел. +7 (495) 961-23-62; e-mail: moscov@urarl-pess.ru
ООО «Альянс Пресс». Тел./Факс: (499) 257-05-24; (499) 257-05-36; (499) 257-05-76 http://www.aliansspressa.com
ООО «Деловые Издания». Тел.: (495) 685-5978, 685-5576; mail: delizd@mail.ru
ООО «Прессмарк». Тел.: (8) 8352-55-10-68; (8) 8352-55-10-93; e-mail: podpiska@pressmark.cbх.ru
Подписка в Литве: Magazines.lt pr. Konstitucii 7, Vilnius LT-09308 Litva, tel.: +370 5248 7244, e-magazin: www.magazines.lt
Подписка на Украине: ООО «ПресЦентр», подписка для физических и юридических лиц. Тел. (1038044) 536-11-75;
URL: prescentr.kiev.ua; e-mail: market7@prescentr.kiev.ua

Подписка на электронную версию газеты: сервисы «Ваша пресса» (www.yourpress.ru) и «ЛитРес» (www.litres.ru)

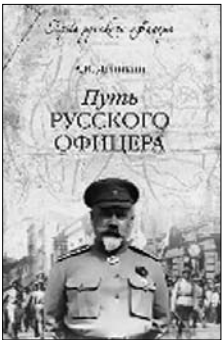
①

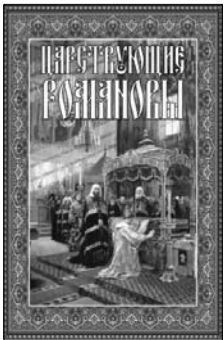
②

③

④

⑤

⑥

1

Власть и Истина

Клири Т. Японское искусство войны. Постигение стратегии / Пер. с англ. Р. Котенко.
СПб.: Евразия, 2012. – 224 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-91852-045-1

В издании рассказывается о влиянии древних религиозных традиций Востока на мировоззрение и идеологию японского военного искусства, а также исторических обстоятельствах, в которых развивался дзен-буддизм в этой стране. Одной из причин, объясняющих, почему дзен-буддизм во второй половине XVIII века пошел на убыль, была политика правительства, ограничивающая подвижничество и влияние отдельных наставников. Сёгунат, желавший все держать под контролем, осуществлял такую политику, при которой все монастыри, как женские, так и мужские, и даже небольшие храмы должны были быть включены в иерархическую структуру, подчиняясь одному из центральных крупных монастырей, лояльных к правительству. Особое внимание уделялось в дзен-буддизме правильному видению реальности, что было необходимо как для правителя, так и для воина: *«Идеальное искусство предвидения событий еще до того, как они произойдут, заключается в умении совладать с ними еще до того, как для этого необходимо будет затратить значительные усилия»*.

2

Граница чудес

Зорич А., Жарковский С. Очень мужская работа.
СПб.: ИД Ленинград, 2012. – 400 с. 7040 экз. (п) ISBN 978-5-9060-17-03-1

С тех пор как в отечественной литературе возникли Зона и stalkеры, которые в нее шныряют, на страже границ оказались неподкупные (и не очень) военные и супер-

инспектора, один из которых и является главным героем, призванным расследовать очередные странности. В романе подробно описаны и сами stalkеры, и клиенты, и разнообразие аномалий самой Зоны: *«Этимология устоявшихся названий гадов, аномалий или артефактов обычно проста. В случае с голеграмом, например, имел место классический «блехучий телефончик». Кто-то успел крикнуть в микрофон за секунду до смерти – «Голем», кто-то – «Гром!», кто-то выживший заметил вызывающую наготу гада...»*. В тексте, помимо описания множества приключений, есть и неторопливая повествовательность и психологизм рассказчика, и множество загадок, часть из которых так и оказывается нераскрытой, и отчасти сатира.

3

Хроники былого

Деникин А. Путь русского офицера.
М.: Вече, 2012. – 320 с. 2000 экз. (п) – (Путь русского офицера). ISBN 978-5-4444-0215-3

Эти записки одного из руководителей Белого движения так и остались незавершенными: повествование начинается с детства и заканчивается маем 1916 года. Сам Деникин планировал, что продолжением «Пути» станут его «Очерки русской смуты», действие которых разворачивается с февраля 1917 года. В тексте подробно описаны не только события первых двух лет Первой мировой войны, но быт и нравы русского офицерства начала XX века. Так, *«...после японской войны и первой революции, незыря на выяснившуюся лояльность офицерского корпуса, он был, тем не менее, взят под особый надзор сыскных органов, и командирам полков периодически присылались весьма секретные «черные списки» «неблагонадежных» офицеров, для которых закрывалась дорога к повышению»*. По свидетельству самого Деникина, офицеров левого направления в армии в то время практически не было.

4

Три с небольшим века...

Царственные Романовы / Под ред. К. Махненко.
М.: Царский Дом, 2012. – 144 с.: ил. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-905067-05-1

В небольшом красочном издании рассказывается о жизни и деятельности всех российских правителей из рода Романовых, приводятся их портреты, геологическое дерево и иллюстрации картин с видами строений и событий, соответствующих времени правления того или иного государя или императрицы. Царевна Софья Алексеевна, как не коронованная особа, являвшаяся лишь регентшей при малолетних братьях-царевичах Иване и Петре, в тексте отсутствует. Но зато есть царевич Алексей Николаевич, а также упоминание многих малоизвестных фактов для широкого круга читателей фактов: так во времена Алексея Михайловича был принят Новоторговый устав, издана Кормчая книга; при Николае I был введен запрет продавать крестьян поодиночке и без земли. Крестьяне получили право на обладание частной собственностью, а также возможность выкупаться самим из продаваемых имений.

5

Навстречу неизбежному

Костин М., Гравицкий А. Живое и мертвое. Третья сила.
М.: Снежный Ком М, 2012. – 272 с. 2000 экз. (о) ISBN 978-5-904919-48-1

...Она говорила о необходимости перемен к лучшему для всех, а желала только власти для себя. И она ее получила. Люди, которые искренне верили ей, использованы и

выброшены. Перемены свелись к переименованиям. Но во снах к ней теперь является таинственный некто, предупреждающий о новой неотвратимой угрозе. А днем не легче: *«...ко мне приходят первомаги, говорят, что они посадили меня в это кресло, и требуют от меня что-то... Ко мне приходят веролюльские лорды, говорят, что они привели меня в здание Консорциума, дали мне власть, и на основании этого требуют от меня что-то. Я не знаю, кто придет ко мне завтра и что еще потребует...»*. Одним из решающих аргументов в противостоянии может стать древний магический фолиант, но он был потерян во время недавней смуты. Кто найдет его первым – люди правительницы или озлобленные изгнанники?

6

На чужой планете...

Лукьянов О. Лилис.
М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. – 313 с.: ил. – (Фантастический боевик). 11 000 экз. (п) ISBN 978-5-9922-1130-6

Непросто общаться с людьми, а тем более – с военными, считающими тебя в экстремальных условиях богом, способным сотворить любое чудо во имя их спасения. Но ведь на самом деле тот, кого они называют богом, является всего лишь продуктом научных экспериментов. А после начинаются настоящие приключения – аварийная посадка на планету, истерика командира космического корабля, задумчивая беседа с пленным майором, защищавшим колонию-планету от непонятного нападения извне, в котором участвуют вооруженные женщины, похожие на эльфиек. Да и помощь не вызовешь – некое поле, называемое «Аномальной тканью», поглощает отправленные сигналы. Остается еще узнать, что же из фольклора, посвященного таинственным Демиургам, окажется правдой...

Автор рецензий – Алекс Громов

Арти Д. Александер

На окраине империи

Шигин В. Герои русского броненосного флота.
М.: Вече, 2012. – 336 с.: ил. – (Морская летопись). 2500 экз. (п) ISBN 978-5-4444-0059-3

Среди русских моряков второй половины XIX века было немало тех, кто прославился в походах и при защите Севастополя, осваивал «самовары» (так тогда называли первые неуклюжие пароходы за кургузость и копоть), плавал на Восток. После окончания Крымской войны англичане начали захват Китая, который вел переговоры о союзе с Россией. Именно русскому посланнику графу Игнатьеву удалось помочь китайцам в переговорах с англичанами и французами, захватившими 6 октября 1859 года Пекин. И в помощь Игнатьеву Александр II решил отправить в китайские воды особую эскадру под командованием капитана 1-го ранга Лихачева. В ее состав вошли корветы и клипера. А через два года начальник Тихоокеанской эскадры Лихачев отправил судно к Японским островам, чтобы договориться о постройке склада и ремонте своего корвета...

Одд Локи

Шаткое равновесие

Сухаренко А. Юродивый. Тайна проклятия.
М.: Грифон, 2012. – 416 с. 5000 экз. (о) ISBN 978-5-98862-100-3

Мистика сейчас в моде, как и анализ предсказаний о конце света. Но вот не оказываются ли бессильными чудеса перед устоявшейся системой людских взаимоотношений, претерпевших в последнее время изменения не в лучшую сторону. Главный герой романа, обычный адвокат, наделенный способностью оборотничества, может превращаться в других людей и животных, в том числе в президента и его собаку. Но те деятели, которые сейчас обитают рядом с нами, тоже наделены незримой властью. Среди них – функционеры движения «Новый порядок», проповедующие религиозную толерантность, но симпатизирующих при этом самым odioзным религиозным учениям. При этом лидеры движения считают атомную войну неизбежной, как и свое руководство уцелевшим человечеством после ядерного Армагеддона...

фантастика

клуб

НОВОСТИ

«Малеевка-Интерпресскон. Новая волна»: второй сезон

Литературный семинар «Малеевка-Интерпресскон. Новая волна» начал прием рукописей к сезону 2013 года. Окончание приема — 30 декабря 2012 года. Семинар пройдет в начале февраля 2013 года в одном из пансионатов Курортного района под Санкт-Петербургом. В этом году мастерами «Малеевки-Интерпресскона» станут Дмитрий Вересов, Алан Кубатиев и Святослав Логинов.

В этом году есть некоторые изменения в процедуре приема рукописей. В связи с особенно высоким конкурсом принимаются тексты объемом не более 4 авторских листов, в том числе (сюжетно законченные) фрагменты романов. (1 авторский лист — 40 000 знаков с пробелами по статистике программы «Microsoft Word», 4 авторских листа — 160 000 знаков). И не забываем про синопсисы! Кроме того, Дмитрий Вересов приглашает в свою группу и сценаристов фантастических теле- и кинофильмов.

Заявки принимаются только по электронной почте. Адрес электронной почты для заявок и произведений: maleevka@interpresscon.ru. В письме нужно указать:

- ФИО автора;
- название произведения;
- контактный электронный адрес, если он не совпадает с тем, с которого пришло письмо;
- имя мастера, которому текст предлагается на рассмотрение.

Авторы, чьи произведения успешно пройдут отбор на литературный семинар, будут извещены об этом по мере формирования групп, но не позже 10 января 2013 года. Списки участников литературного семинара «Малеевка-Интерпресскон» будут публиковаться на сайте interpresscon.ru по мере формирования групп. Окончательные списки будут объявлены не позже 10 января 2013 года.

В традициях Малеевки участникам в обязательном порядке следует ознакомиться с произведениями других авторов их группы. Соответствующие инструкции и индивидуальный код доступа будут высланы участникам по электронной почте.

Подготовил
Дмитрий Малков

Кассандра Клэр дебютировала с трилогией «Орудия смерти», в которой потомки ангела и человека — нефилимы — героически сражались с демонами, людьми и между собой во имя мира во всем мире. Закончилась серия весьма неоднозначно, явно намекая на продолжение. И вот, почти одновременно, появились две новые книги о расе сумеречных охотников. Обе они, по замыслу автора, начинают новые трилогии.

Гроб качается хрустальный...

Три первые книги серии «Орудия смерти» закончились салютом и общим ликованием, которое не особо омрачали пара-другая похорон и пропавший труп одного из главных врагов. Хотя благодаря последнему факту мы лишний раз задумались, стоит ли так уж уповать на смерть врага, если трупа нет в наличии. Собственно, интрига сюжета следующей книги была шита белыми нитками еще в конце предыдущей. Оставалась слабая надежда на развитие линии, связанной с Саймоном, который в конце концов оказался вампиром-евреем с ангельской кровью в венах и каиновой печатью на лбу. Тут было где развешиваться.

Но в результате получился очередной виток любовных переживаний. Вся разница только в количестве персона-

жей, вовлеченных в эту мелодраму. Количество их явно зашкаливает уже за пределы разумного. Впечатление, что хоть один герой, не страдающий от неразделенной, разделенной, отсутствующей и еще какой-нибудь любви, это прямое оскорбление автору. Его немедленно надо пристроить к делу. То есть, придумать ему пару, а потом повод для страданий. Тот же Саймон превратился из милого и забавного паренька в какую-то неудачную копию Джейса. Непобедимый вампир из него вышел не ахти какой убедительный. Да, конечно, он победил весьма сильных противников, включая одного из древнейших демонов. Но как-то не веришь в такую перемену.

Основная интрига сюжета, как уже было сказано, тоже просчитывается еще с предыдущей книги. Воскресшие враги уже тоже успели набить оскомину. В конце концов в этой серии постоянно кто-то воскресает и всегда почему-то с недобрыми намерениями. Хотя здесь воскрешение произойдет уже в конце книги, а перед этим на четыре сотни страниц будет предыстория данного события. И, разумеется, окончание будет именно таким, чтобы между строк читалось классическое: «Продолжение следует...».

Каким будет это продолжение, догадаться не сложно. Прием давно не новый. Один из главных героев оказывается во власти противоположного лагеря и перехо-

Клэр К. Город падших ангелов / Пер. с англ. Н.Абдуллиной. М.: РИПОЛ классик, 2012. — 464 с. 7000 экз. (п) ISBN 978-5-386-04994-2

дит на сторону врага. Пусть и невольно. Но теперь нет практически никаких сомнений в том, что будет основной заботой героев в следующем томе. Конечно, спасение Джейса!

Автор пообещала, что эта книга станет началом очередной трилогии. Остается лишь надеяться, что в последующих у нее получится как-то вытянуть пока откровенно слабый сюжет.

Недостоверная история

Серия, посвященная сумеречным охотникам, обитающим в современном Нью-Йорке, оказалась весьма успешной, и автор решила повторить этот эксперимент. «Механический ангел» — первая книга серии «Адские механизмы», которая представляет собой приквел к «Орудиям смерти». Она долж-

на перенести читателя в Лондон времен королевы Виктории, где также есть Институт — база сумеречных охотников. Ключевое слово здесь: «должна». Попытка, конечно, неплохая, но вот с описанием исторических реалий викторианского Лондона и воссозданием его атмосферы у Кассандры вышел пшик на семь сотен страниц. К сожалению, недостаточно свесряться с картой города, чтобы не путать названия улиц, и постоянно вставлять отсылки к Диккенсу, чтобы читатель почувствовал и поверил, что это действительно Лондон последней четверти девятнадцатого века. Не удаются Кассандре Клэр исторические реалии. Так и ждешь, что герои вызовут такси по мобильнику и завалят в ближайшую пиццерию. Стиль разговоров и поведения не позволяет даже заподозрить наличие викторианского воспитания. Конечно, можно предположить что нефилимы, как довольно изолированная раса, живут по другим правилам, но все равно не верится.

С героями тоже как-то не задалось. В том смысле, что постоянно приходится напоминать себе кто есть кто. Что вот этот брюнет — главный герой по имени Уилл. А вовсе не Джейс из предыдущих книг. Хотя все отличие в паре деталей биографии и цвете волос. Характер же просто один в один. Тот же мрачно-загадочный страдающий тип, с манией вели-

Клэр К. Механический ангел / Пер. с англ. Л.Соловьевой. М.: РИПОЛ классик, 2012. — 720 с. 7000 экз. (п) ISBN 978-5-386-04088-8

чия и несколько своеобразным чувством юмора. Что главную героиню зовут Тесс, а не Клэри. И что все их страдания и метания это не «Город костей», а «Механический ангел». Как-то все же хотелось в пятой книге про нефилимов вообще и первой в новой серии увидеть новые характеры. Но читать в очередной раз почти под копирку написанный роман про плохого-хорошего мальчика как-то не особо интересно.

От самого сюжета, в общем-то, ничего особо выдающегося и не ждешь. И так ясно, что доблестные герои будут спасать мир от очередного глобального катаклизма. И, конечно, книга заканчивается именно так, как требуется для последующего выпуска еще пяти-шести томов. Пусть и не на середине фразы, но на середине разговора. Чтобы подогреть интерес читателя к очередному продолжению. Хотя бы к его первой главе.

Переписка с тенями

Алекс Громов

После романа о путешествиях во времени («Законы прикладной эвтаназии») и «Лучшего дебюта» на Евроконе-2011 писатель и бард Тим Скоренко выпустил оригинальный сборник новелл о временах и нравах. Любители старой доброй советской НФ наверняка почувствуют в нем знакомые мотивы не столько в описании технических чудес, с этим как раз все обстоит достаточно строго и скромно, сколько в неуловимых оттенках настроения. Хотя свое родное в «Легендах...» отыщут и поклонники стимпанка, и его «дизельного» младшего брата.

В маленьком американском городке живет автомеханик — спасает со свалок старинные автомобили и вдохновенно чинит их, возвращая к новой, блистательной и почетной жизни. Когда в городе появляется незнакомец, который знает о машинах всё и вдобавок прекрасно водит автомобиль, у него

Скоренко Т. Легенды неизвестной Америки. М.: Снежный Ком М, 2012. — 352 с. — (Нереальная проза). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-904919-43-6

и механика немедленно возникает ощущение душевного родства. «Он был фанатом автомобилей, и я не знаю ни одного человека, который разбирался бы в них лучше Джорджа. Тэмбэл мог с закрытыми глазами собрать и разобрать любой автомобиль. Заведя мотор, он тут же по звуку определял, есть ли какие-либо неполадки в работе силового

агрегата, и если есть, в чём они заключаются. Когда он садился в машину, он становился ее частью. Его руки прилипали к рулю, сам он превращался в дополнение сиденья, а в глазах его отражались зеркала заднего вида. Да, именно зеркала в глазах, а не наоборот». Гость приехал не просто так — он ищет скрывающегося нацистского преступника. Однако и у механика, который берется помочь в деле справедливого возмездия, есть свое «двойное дно»...

«Окно на шестом этаже» — альтернативная история, несмотря на то, что ход исторического процесса тут не изменился. Президента Кеннеди все равно убили. Хотя Ли Харви Освальд стремился его спасти. Ради этого он как раз и сидел со снайперской винтовкой у открытого окна на том самом шестом этаже — чтобы застрелить того, кто собирался стрелять в Кеннеди. Ну, не было у него времени убеждать полицейских

в том, что террористический заговор, о котором он узнал, не придуман, а существует на самом деле... Однако то ли винтовка подвела, то ли прицел сбился. Или убийца чуть быстрее нажал на курок. Остальное — уже общеизвестная история. Правду знает один негр-уборщик, но кто станет его слушать...

А вот борец с полтергейстом из «Монолог охотника за привидениями» слушать очень даже умеет. Потому что платят ему не в последнюю очередь именно за способность внимательно и сочувственно выслушивать самый дикий бред. «Впрочем, насчет мошенничества я погорячился. Я никогда не обманывал их, если говорить о результате. Все шумы, странные шаги на чердаке, стуки в ванной, вздохи за стеной после моей работы бесследно пропадали. Поэтому я заслуженно получал свои деньги». Иногда ему приходится заменять сантехников, иногда каменщиков. «На самом

деле я всегда искал настоящую причину беспокойства. Например, одна дама страшно волновалась из-за странных стуков на кухне. Будто кто-то в пол ночи постукивает... Всю ночь дежурил и засёк этот стук — он точно из бетона доносился. Казалось, там замурован человек, который стучит какой-то железякой изнутри, так на азуку Морзе было похоже». Источником оказывается старая канализационная труба, которая издавала звуки ночью, от того, что охлаждалась. Так что у героя есть все основания заявлять: «Один из важнейших законов нашей работы — не верь клиенту. Клиент сказал, что виновата бабушка, — будь уверен, виноваты трубы канализации». И тем страшнее становится профессия циничному ловцу призраков, когда его собственная рука в один прекрасный момент начинает выводить на бумаге совсем не те слова, которые он собирался написать...

Ах, какое блаженство...

Чем ближе блондинка к идеалу, тем больше у нее врагов.

Юлия Шилова специализируется на детективах, любовных романах, детективно-любовных романах, детективно-туристических любовных романах и детективно-нравоучительных любовных романах. А еще она успела выпустить одну кулинарную и несколько автобиографических книг.

Порядковые номера жизнеописаний у Шиловой – кратные десяти. Для красоты и для удобства. Чтобы не запутать себя и публику. Поскольку новая книга – девяностая по счету, автор определенно относит ее к числу автобиографий и сразу сообщает читателям-неофитам (остальные и так в курсе): «Я в издательском бизнесе уже скоро пятнадцать лет». В нем, конечно, кто же спорит?

Если произвести несложный арифметический расчет, поделив число лет, прошедших с момента ее дебюта, на количество отдельных изданий, то выяснится, что Шилова несется навстречу читателю со средней скоростью 6,4 книги в год. На фоне этого стремительного «сапсана» даже Дарья Донцова кажется допотопным паровиком, а уж Лев Николаевич Толстой

выглядит и вовсе шарабаном на конной тяге.

Раскрываем новую книгу наугад, цитируем: «*жуть какая жадная до своего творчества*», «*еще не купили мой юбилейный семидесятый роман? Обязательно это сделайте*», «*я же постоянно держала руку на пульсе событий*», «*мужчина должен тратить на женщину как свои финансы, так и душевные силы, ведь женщина -- это банк, и он должен ее инвестировать*», «*просто необходимо приобрести семидесятый роман. Поверьте, он того стоит! Вот отзывы о моей восьмидесятой книге. Надеюсь, кто ее еще не читал, тут же захочет приобрести эту книгу*».

Чистый бизнес, ничего личного.

В рамки автобиографии новая книга поначалу вписывается трудно, а затем не вписывается вовсе. Здесь нет ни сюжета, ни перипетий, ни описаний, ни дат с именами, ни истории с географией, ни вообще какой-то конкретики. Только поток сознания. Почти отсутствуют эпизодические персонажи – есть лишь один главный. Точнее, одна главная.

«Я умна, образованна, коммуникабельна, активна и самостоятельна», «я личность харизматичная», «я практи-

Шилова Ю. Встань и живи, или Там, где другие тормозят, я жму на газ! М.: Астрель, 2012. – 344 с. – (Криминальная мелодрама). 6000 экз. (п) ISBN 978-5-271-43783-0

кую абсолютную честность», «у меня особый внутренний настрой и сокрушительная энергетика», «у меня железная хватка», «мне глубоко наплевать на чужое мнение», «я не позволю никому встать на пути моего планомерного продвижения к успеху», «я отличный психолог и хорошо разбираюсь в людях», «я знаю язык и повадки мужчин и могу пройти огненным мечом по их ошибкам и промахам», «я смогла изучить глубинную собственную душу», «своими знаниями я могу заткнуть за пояс любого мужчину», «моя постель никогда не пустует», «моя красота ранит других женщин», «мужики смотрят на меня восторженно», «у меня

такая походка, что прохожие оборачиваются вслед», «даже в толпе меня отличает уверенный взгляд, гордая осанка и красивая походка», «у меня манящие сладко-порочные глаза», «из меня просто прет чувственность», «я всегда вызывала желание у мужского пола», «я купаюсь в голодных взглядах мужчин», «я умею привлекать мужчин качественным сексом», «я – ветер!...».

И так далее, десятки страниц в жанре автодифирамба в режиме non-stop. Ясно, что женщине с такими богатствами данными жить нелегко. Вокруг клубятся критики, переполненные «завистью, ненавистью, алчностью», готовые вылить «тонны грязи» и «плюнуть в душу». «Мир завистлив и корыстен», сетует автор, «у меня масса недоброжелателей», поскольку «успеху и благополучию сопутствует людская зависть». Женщины ненавидят героиню «за чувственность, женственность» (см. выше), мужчины – за то, что она «видит их насквозь». Ну а критики как существа бесполье, должно быть, ненавидят блондинку Юлию за мощный и всепобеждающий талант.

Справедливости ради заметим, что в этой завистливой и корыстной Вселенной все же сохранились «отзывчивые,

добрые, милые и замечательные люди» – те, кто не только покупают книги Шиловой, но и пишут ей восторженные письма. «Читаю вашу книгу. Она просто потрясающая!». «Я тоже прочтала! Самая лучшая из всех лучших Юлиных книг! ПРОСТО СУПЕР!». «Юля, эта книга зарядила меня огромной живой энергией!». «Книга получилась ОЧЕНЬ сильная!». «Какая потрясающая книга! Я когда читала – просто поражалась». «Просто нет слов. Буря эмоций, восхищение». И т.п.

Наличие фан-клуба облегчает автору жизнь и ускоряет процесс творчества. Читательским всхлипам и их размышлениям о превратностях жизни отведено около сотни страниц – то есть примерно треть новой книги. Учитывая принцип оплаты писательского труда, это неплохое подспорье. Так что наша бизнес-вумен не скупится на похвалы бесплатным соавторам: «Меня читают самые красивые и умные».

Иными словами, граждане, привыкшие читать других писателей, не Юлию Витальевну Шиллову (ну там Пушкина или Кафку), – недалекие и несимпатичные люди. В лучшем случае. А в худшем – тупые уроды. С чем мы себя и поздравляем.

Роман Арбитман

НОВОСТИ

Премии-2012

Британская ассоциация Deadly Pleasures раздала награды премии Barry Awards.

Лучший роман – Юсси Адлер-Олсен «Хранитель потерянных дел» («The Keeper of Lost Causes»);

Лучший дебют – Тэулор Стивенс «Информатор» («The Informationist»);

Лучший британский роман – Питер Джеймс «Хватка мертвеца» («Dead Man's Grip»);

Лучшее издание в обложке – Майкл Стэнли «Смерть богомола» («Death of the Mantis»);

Лучший триллер – Томас Перри «Доносчик» («The Informant»);

Лучший рассказ – Джеффри Коэн «С применением оружия» («The Gun Also Rises»).

***

The Private Eye Writers of America объявила победительшей Shamus Awards-2012.

Лучший роман в переплете – Майкл Уайли «Сон в скверную ночь» («A Bad Night's Sleep»);

Лучший дебют – П.Дж. Стерджесс «Мужчина по вызову» («The Shortcut Man»);

Лучшее издание в обложке – Дуэйн Сверчински «Развлечения и игры» («Fun & Games»);

Лучший рассказ – Майкл З. Левин «Кто я» («Who I Am»);

Премия «Молот» (Лучший частный сыщик года) – Нейт Неллер, персонаж книг Макса Аллана Коллинза.

***

Также своих лауреатов назвали Mystery Readers International/Mystery Readers Journal.

Лучший роман – Сара Грэн «Клэр Девитт и город мертвых» («Claire DeWitt and the City of Dead»);

Лучший дебют – Леонард Розен «Плач Хаоса» («All Cry Chaos»);

Лучшая документальная книга – «Подельник Зуки Стакхауса» («The Sooky Stakhouse Companion»);

Лучший рассказ – Дана Кэмерон «Обезоруживающий» («Disarming»);

Лучший исторический детектив. Премия имени Зуи Федер – Катриона Макферсо «Дэнди Гилвер и правильное обращение со следами крови» («Dandy Gilver and the Proper Treatment of Bloodstains»).

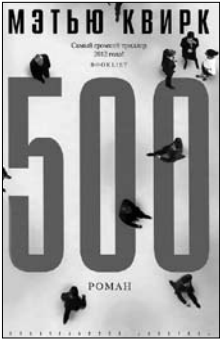
Подготовил Даниил Мартин

Да погуще влей

С тех пор, как Рэмбо-3 замочил в Афгане полковника Зайцына, в американском боевике почти ничего не изменилось. Да и зачем бы? В большинстве своем их массовая литература, словенно идеологическая машина ЦК КПСС, поставленные задачи успешно решает. Герои, их мотивы и сюжет в книжке Мэтью Квирка «500» тщательно, без малейшей изобретательности слизаны с образцов еще 80-х, создававшихся по раз и навсегда утвержденным правилам.

Правило первое: русские (теперь сербы, но все равно славяне) – плохие. В прологе читатель встречает серба, военного преступника и наркобарона, который вырезает у врагов сердца и поедает их на глазах у приближенных и конкурентов.

Второе правило касается героя. Он «простой человек», папа – мошенник, долго сидевший в тюрьме, мама умерла от неизлечимой болезни, а сам Майкл Форд, в традициях кальвинистского протестантизма, работает не покладая рук, чтобы учиться в Гарварде, в Юридической школе – у них так называется факультет. Майклу позарез требовалось внести деньги за

Квирк М. 500 / Пер. с англ. Н. Флейшман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 384 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-389-03188-3

учебу, он зашел в бар, где подрабатывал, и оказался перед открытым сейфом менеджера, который в это время занимался какими-то темными делишками в подвале. В сейфе была неутенная наличность, которую менеджер намеревался своровать. Но герой стойко проходит искушение.

Гаврила – ровесник Майкла. Оба бедняки, а Форд еще и преступник, ставший на путь исправления, от чего заляется же слезами умиления вместе с добрыми американцами! Оба хотят «пробиться в жизни». Только Майкл знает, что австрийцы ни при чем, а... См. правило один.

Правило третье, конспирологическое. Руководитель семинара, допытывавшийся о причинах Первой мировой, бывлой политик, работал в ЦРУ и военном атташате, а теперь глава лоббистской фирмы. Он накопил столько компромата на вашингтонских бюрократах, что держит всех в кармане. Их, влиятельных людей, всего-то 500 и наберется. А у лоббиста на каждого папочка – с малолеточкой, огромным садомазохистом, замятым убийством постылой жены или плясками в наркотическом опьянении. В финальной дискуссии, когда, согласно очередному правилу, злодей долго рассказывает герою о своих кровавых преступлениях – и в голову ему, старому цээршнику, не приходит, что герой может включить запись – лоббист колется. «Мне принадлежит столица. Всех наделенных в ней властью мужчин и женщин я собрал в свою коллекцию, как бейсбольные карточки... И теперь по сути дела я и есть правительство».

Единственное психологическое просветление в романе «500» заключается в завязке: лоббист Генри Дэвис потому так вбивал в голо-

вы студентов мысль о комплексах Принципа, что полагает, будто людьми можно управлять, играя на их слабой струне. И так как Майкл сам такой и по собственному опыту знает о тайных пружинах воздействия, Дэвис приглашает его в свою фирму. Сюжет не важен: у Дэвиса есть компромат на всех, кроме члена верховного суда с решающим голосом, Дэвис убивает судью, Майкл решает, что пора его остановить, согласно четвертому «правилу секса» его любимая тоже работает у Дэвиса, и то ли она предательница, то ли помощница Майклу, но любовь, конечно, побеждает, и начинается стрельба и беготня, и сербы кое-как прилеплены сбоку... Всей этой штампованной начинки в книге ровно столько, сколько требуется.

А вот следуя пятому «правилу хэппи-энда» Квирк превосходит слащавостью все известные образцы. Сын строит дом мечты по старым отцовским чертежам, и, сидя на лужайке, видимо, под развевающимся звезднополосатым флагом, сжигает остатки Дэвисова компромата в жаровне для барбекю – во имя торжества истин-

ной демократии. И – о, чудо! «Странные вещи начали происходить в столице. Стало меньше скандалов между приверженцами разных партий... меньше «откатов» на чьи-то особые интересы. Только законопроекты были поддержаны при голосовании и республиканцами и демократами...» Скажите, как тут снова не зарыдать светлыми слезами?

Во время первой предвыборной кампании Обама обещал удалить старых вашингтонских деятелей, которых ненавидит большинство американцев. Известно, какая эйфория ожидания перемены охватила тогда американское народонаселение. Но президент не только не тронул старых волков, но и набрал их в свою администрацию. Понятно, что эти-то деятели и срежиссировали беспроигрышную кампанию с такими, казалось, самоубийственными обещаниями, тихой сапой заняли еще более выгодные места, а что будет с Обамой, их волнует мало – сам выкарабкается. А не он, так другой. Книга Мэтью Квирка вышла в США в этом году, аккуратно к началу предвыборной кампании. Посмотрим.

Сергей Шулаков

фрагмент

«Свобода — Точка отсчета»

Помпезный и трагический fin de siecle наступил позже 1900 года — с мировой войной и революцией, едва не обернувшейся мировой; век, знаменуемый собой fin de millenium, заканчивается не менее грандиозно и примерно на столько же раньше 2000 года — новым переделом мира.

Двадцатое столетие оказалось короче календарного предписания, совпав с годами советской власти, а лучше сказать — в эти годы уложившись. Обидного для других стран, народов и формаций тут нет. Эксперимент России не отнимает исторического значения у теории относительности, Генри Форда, латиноамериканского романа, японского экономического чуда, освобождения Африки, изобретения ксерографии. Другое дело, что все события происходили на определенном фоне. А «в театре задник важнее, чем актер» (Иосиф Бродский). Задником была — Россия.

Театральные метафоры, с древности употребительные для описания общества, ведут дальше. Черчилль, констатируя в 46-м году начало «холодной войны» и объявляя о «железном занавесе», не только оказался невольным плагиатором, но и опоздал с этим образом на двадцать девять лет. Василий Розанов написал вовремя: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес».

Тогда и начался XX век, который закончился в 91-м, подняв до символа — опять-таки театральным, балаганным образом — мелкого шляхтича, памятного по началу века, а теперь и тем, что именно он повалился первым в конце.

Итак, фоном был занавес. Это парадокс — но на настоящей сцене, а не на жизненной, допускающей куда большие вольности. Существование России — такой, а не иной — в известной степени определяло все в мире. Россия имела отношение и к участвовавшему в создании атомной бомбы Эйнштейну, и к профсоюзному движению на фордовских заводах, и к революциям в Южной Америке, и к японской послевоенной психологии, и к краху колониальной эпохи, и к непомерной политической роли копировальных машин.

За занавесом тоже происходили важные, страшные, изумительные дела. Но чем пристальнее вглядываешься в российский укороченный век, тем больше изумляют именно торчащие концы, эти fin'ы куцего siecl'a.

Речь — о легкости распада. Со всеми поправками на сопротивление исторически это произошло неправдоподобно быстро. Речь — о стремительном развале колоссальных систем, вроде так основательно и прочно стоявших на своих, уж кто их знает, может, и глиняных, но мощных и толстых, как у Собакевича, ногах.

Невероятно до смешного:

Был целый мир — и нет его...

Вдруг — ни похода ледяного,

Ни капитана Иванова,

Ну абсолютно ничего!

Стихи Георгия Иванова не выходят из памяти, от повторения делаясь все более жуткими: и истерический взвизг последней строки, и капитан — двойник автора, и особенно слово «вдруг».

Иванов написал это через много лет после октября 17-го, когда вокруг него действительно не было «абсолютно ничего» из того, что прежде. Кругом — сплошной Париж: не меньше, но и не больше. Однако эти страшные стихи не объяснить ностальгическим всхлипом стареющего поэта. Его «вдруг» подтверждается обильно: и «Окаянными днями» Бунина, и «Десятью днями» Риды, и мемуарами Коковцева, и дневниками Чуковского — самыми разными и непохожими людьми, — и лучше всего тем же «Апокалипсисом наших дней» Розанова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего».

Кажется, что Иванов просто зарифмовал розановскую прозу. Кажется, что и совсем другой поэт, с другой стороны, сделал то же:

Дул, / как всегда, / октябрь / ветрами. / Рельсы / по мосту вымевив, / гонку / свою / продолжали трамы / уже — при социализме.

И Маяковский — о том же, что Розанов и Иванов и многие другие: «разом», «до частностей», «абсолютно ничего», «уже — при».

В сборник «Свобода — точка отсчета» вошли избранные эссе, статьи, рецензии и интервью Петра Вайля, в течение двух с лишним десятилетий публиковавшиеся в российской и зарубежной печати. Книга, подготовленная при участии Эли Вайль, выходит в издательстве Corpus.

Вариант Маяковского можно назвать переводом с русского на советский, но точнее — с языка XIX века на язык XX. Всё прямее, жестче, торопливее. Ясно: столетие помещается в собственные три четверти. Надобно спешить. Куда? К распаду новой державы, возникшей вместо старой, распавшейся с такой быстротой. А где новый Розанов, который напишет теперь с тем же правом: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три»? Как раз три в августе и было.

Комментируя те слова, Андрей Синявский писал, что для Розанова революция была «провалом всех старых сил России, которые оказались слабыми и ненадежными... И царство оказалось гнилым, и церковь оказалась гнилой, и все традиционные сословия великой Российской империи. И русский народ-богоносец, воспетый Толстым и Достоевским, в один миг оказался толпой хулиганов и безбожников».

Все слова можно заменить. Попробуем и вслушаемся: «И государство оказалось гнилым, и партия оказалась гнилой, и все традиционные классы великого Советского Союза. И советский народ — строитель коммунизма, воспетый Шолоховым и Маяковским, в один миг оказался обществом парламентариев и богомольцев».

Снова перевод с русского на русский. Перевод творческий, с учетом общественного контекста: генсек — президент, коммунизм — капитализм, Ленин — Петр, Свердлов — Екатерина, Горький — Нижний, план — рынок, враг — друг. Сменились существительные; глаголы, прилагательные, синтаксис — остаются. Вместо «Слава КПСС!» — «Христос воскрес!», и даже не заметили, что это в рифму.

***

Концы ущербного века рифмуются. Все уже было — у Блока: «В белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос», у Есенина: «Новый на кобыле едет к миру Спас». Ересь, но не диче явленной московским огромным транспарантом 90-х на сваренном совсем для другого текста надежном стальном каркасе, глубоко врытом в землю: «Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его!»

С верой сложно. Религия пережила жестокий кризис, связанный с сакрализацией науки, но и наука не испытывала большего унижения и компрометации, чем Хиросима и Чернобыль. Кроме того, этику ни на что рациональное опереть не удастся — все, что можно потрогать, рано или поздно разваливается. Например, человек — утративший в рационализме цельность, разложившийся, как атом, на частицы, довольно элементарные. Когда же выяснилось, что мы не цельными, в разуме и в пиджаке, пребываем в мире, а состоим из рефлексов, импульсов и неврозов, оказалось, что у нас — стресс. Мы прочли об этом в отрывном календаре, как Остап Бендер про то, что «на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести четырнадцать кило», и тоже стали жаловаться и искать защиты.

Конец века заливают религиозные течения, часто экзотические, все чаще — радикальные

(не только на Востоке): на новом витке если уж возвращаться к вере, то — к строгой и «настоящей», небезразличной, страстной, экзальтированной. Либерализма и разумности хватает в мирских институтах.

Но Россию-то эти коллизии миновали. У нас возврат пришелся ровно на то место, где традиция была прервана. Из всех богословских забот главная — обнаружить кликухи иерархов, под которыми они числились в тайных государственных ведомствах. Вот страстность тут в современном духе — вполне айтиолова. Но она была такой и под другими транспарантами, во все годы, которые перечеркнуло тире между датами 1917-й и 1991-й.

Выявилась зыбкость идеологии. Вообще идеологии — любой. Раскачивание долго шло во всем мире, поскольку преуспевание и свобода плохо сочетаются со стабильностью и чувством безопасности. По ходу века одним жертвовали ради другого и в конце концов душевный комфорт принесли в жертву духовному и материальному.

Запад победил в «холодной войне», если кого и убеждая, то — себя. Классический, школьный, случай доказательства примером. Самое смертоносное оружие — нейлоновые сорочки, жевательная резинка, авторучка «Паркер», зажигалка «Ронсон». Кванты не идеологии, а ее отсутствия.

Самое, быть может, поразительное, как мало роли играет политика. Когда, кому, какому больному воображению мог привидеться на рубеже тысячелетий призыв новой, пародийной, Крымской войны? А сколь многие были уверены, что стоит сменить политбюро на парламент и опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ», как заколосятся груши на вербе. Прав был презираемый по все стороны границы Маркс — куда важнее экономика. Но и экономика оказалась на толстой подкладке психологии. Потому и победила западная, а не советская модель — как более отвечающая нормальным человеческим инстинктам.

Можно было бы констатировать это и тем удовлетвориться, если б не проклятая легкость, с которой «вдруг» победил нормальный человеческий инстинкт — тот самый, с легкостью же отступивший в начале российского века. Речь тут не об аргументах в пользу органичности или насильственности коммунизма для России, а только о том, что потрясшие мир перемены прошли так стремительно и приняты были с такой пугающей готовностью.

Может, и вправду: отступать — бежать и наступать — бежать. Собирать по грошу на церковь, гнать в нее табун, очищать от навоза и снова крыть золотом — всё при деле.

Как в алгебраическом уравнении, за скобки выводятся и сокращаются однородные члены. Остается корень — действующее лицо исторических событий. Человек.

***

Найти корень значит решить уравнение, в котором слева — множество известных, мало-

известных и вовсе неизвестных величин, а справа — ноль, выразительный русский ноль, он же — вопль: «О!» Близкая к нулевой — разумеется, в широком историческом масштабе — реакция на крах казавшихся незыблемыми твердынь. Пусть 74 года — недолгий срок, хотя тут надо бы учесть интенсивность: год за три как минимум. Но старая Россия насчитывала побольше: одни Романовы — триста с лишним.

— Представление окончилось.

Публика встала.

Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось.

(В. В. Розанов, «Апокалипсис нашего времени»)

Как же это вышло в самом деле — да невзначай, да так проворно? Оглянулись — и застыли столпами, увидев, как пылают и рушатся столпы: самодержавие, православие, народность. Взамен двух первых новая власть убедительно предложила свою силу и свою идею. Третий — как был, так и остался: любая власть народна, покуда она власть.

Снова сокращаются однородные члены, оставляя тот же корень — народ. Тот самый народ, который на идеологическую поверхность — единственно доступную обозрению — выступал в России только в литературе.

Нет смысла в многотысячный раз повторять, почему так вышло, что литература заменила все институты, призванные заниматься народом вообще и человеком в частности. Так вышло. Потому и все ответы принято искать в литературе. Более того — призывать ее к ответу.

Эта языческая традиция — за стихийные бедствия клясть ошибки в заклинании — никогда не пресекалась: ни в православной России, ни в атеистическом СССР, ни в новой России с ее смутной эклектичной верой. Нынешний fin de siecle озаменован, среди прочего, устройством поминок по литературе, словно нечего и некого больше хоронить; ее вновь называют главной причиной кризиса, обвиняя в обучении народа тоталитаризму, словно когда-то и где-то на Земле был народ, который ничему-то действительно научить по книгам.

Но традиция крепка, и в этом смысле наш fin de siecle лишь повторяет предыдущий. Все тот же Розанов называл литературу «смертью своего отечества», поименно обличая Тургенева, Чернышевского, Гоголя, Гончарова, Щедрина, Островского, Лескова, которые «разрушали Россию» — тем, что оскорбляли все российские сословия, высмеивали историю страны, подрывали авторитет семьи.

Интересный парадокс. Те же претензии можно предъявить любой из западных литератур. Скажем, англичане — от Свифта до Теккерея — так же «разрушали» общественные институты, показывая их неприглядно. Правда, на Западе литература не имела того влияния, являясь гораздо более частным делом, чем в России. Но величие русской словесности зиждется как раз на ее самосознании высшего суда, учителя жизни — по Розанову, дурного, вредного учителя. Замкнутый круг: русская литература вредна, потому что хороша, а хороша оттого, что вредна.

Надо сказать, это общий закон искусства, который сводится к корявому термину «нонконформизм». Быть «за» и одновременно на высоте — не удавалось никому из художников в новейшее время. И розановское «за» — за государство — есть в первую очередь «против»: против общества, против интеллигенции, против литературы. Так что его роль в расшатывании устоев, отчего и «произошла революция», — ничуть не меньшая, чем Тургенева или Лескова. Обличение литературы — удар по общественным устоям посильнее, чем обличение самодержавия, которое не пинал только ленивый. (Не говоря уж о розановском бунте против Нового Завета.)

Народная русская забава — искать, что виноват, чтобы решить, что делать. На предварительном этапе следствия не принято задерживаться: скучно. Но даже если забаву продолжить — начинать сразу с суда и тащить туда словесность, — то уж не на скамью подсудимых, а на свидетельское место.

АД ТОЛСТЫХ КНИГ

Еще не утихли споры вокруг сериала по роману Гроссмана. Интересно то, что количество тем, с ним связанных — счётно. То есть, обсуждают фильм разные люди, но как бы ведут диалог друг с другом.

Тем несколько:

— Режиссер и сценарист сделали фильм не по роману, а на тему романа. Мало того, что они не учли, что роман — вторая часть дилогии (а первая, написанная вполне в соцреалистическом духе, проигнорирована, как и истории про советские и фашистские лагеря);

— Покойный сценарист и режиссер нехорошо отозвались о давно покойном (1964) писателе в интервью накануне фильма;

— В фильме отсутствует главная мысль Гроссмана о том, что СССР и Третий рейх — одно и то же. При этом из текста романа это как бы явным образом не следует, и вовсе ниоткуда не ясно, что кавалер орденов боевого Красного Знамени, Красной Звезды, награжденный медалью за оборону Сталинграда Василий Иосифович Гроссман, мать которого умучили немцы, так считал;

— «Жизнь и судьба» это «Война и мир» сегодня;

— Если бы роман «Жизнь и судьба» вбросили публике через закрывающееся окошко оттепели вместо «Одного дня Ивана Денисовича», то вашего Солженицына только там и видели б.

Понятно, что на каждую из этих тем приходится подва полярных мнения: «Война и мир»? А?! Да?! На!... «Хрен вам, а не «Война и мир!» — «Так его, покойного!» — «Не смеет трогать покойного!» — ну и все такое.

Действительно, Василий Иосифович Гроссман писал свой гигантский роман с 1945-го по 1959 год и первая его часть была напечатана в 1952 году и называлась «За правое дело». Ее, правда, ругали, но сам факт появления этого текста в типографском виде означал отсутствие кардинальных противоречий стилю 1952 года. А вот вторая часть — «Жизнь и судьба» — действительно была изъята и вышла за рубежом (по вывезенной из страны фотокопии) только в 1980-м. И понятно, что интонация 1952 года сильно отличается от интонации книги, написанной во время «оттепели». В первой части завязаны сюжеты, проявились герои, уже возник мир. Во второй части те же герои живут по уже другим законам.

Претензия по поводу неполной экранизации кажется очень интересной (не потому, что я ее разделяю, а потому, что это некое

Анна Михалкова и Сергей Маковецкий в фильме «Жизнь и судьба».

свойство современной культуры: она, эта современная культура, рассматривает прошлое как огромный карьер, и сама определяет правила добычи ископаемых). Например, можно ли экранизировать «Властелина колец» без предварительной экранизации «Хоббита»? Меж тем миллионам зрителей этот вопрос удивителен.

Я бы сам с интересом прочитал (или посмотрел) вычлененную из «Войны и мира» историю Платона Каратаева — Пьер Безухов глазами Каратаева, война и французы глазами Каратаева, детство Каратаева и его влюбленность. Вопрос в том, как споешь. Так отвечали мышонку из советского мультфильма прочие звери, когда он спрашивал, будут ли аплодисменты.

В общем, сериал добротный, актеры — знаменитые. Стены в квартирах сороковых годов по-настоящему облуплены. Война жестока, и раненых достреливают, а отец-командир говорит, что надо бы докалывать. Все снято в серо-зеленом свете, так, как полагается теперь снимать военные фильмы. Нормальная, ответственная работа.

Гроссман написал настоящую сагу, в которой всё есть — жизнь и смерть; бюрократы, что мучают людей в тылу и на фронте; евреи, которых убивают немцы, и евреи, которых травят советские бюрократы, русские люди, страдающие от неустroенности личных отношений, ну, и, наконец, — географический простор. Гроссман писал честно — лишнего не доливал. Но даже текст, писанный кровью, имеет странную судьбу, что-то с

его жизнью такое, что даже не в руках автора.

Я не знаю, что с этим делать в 2012 году. Оттого думаю странную думу о том, что есть стареющие произведения и произведения нестареющие. И это не зависит от той крови, которой писал его автор. Есть известная фраза Шкловского о том, что одни льют в текст кровь, другие — сперму, а третьи — мочу: приемка идет все равно по весу.

Что касается недобрых слов режиссера Урсуляка и сценариста Володарского, так это тоже обстоятельства не слишком печальные. Десятки сценаристов про себя и в узком кругу ругают первоисточник — справедливо или нет. Покойный Володарский был человеком сложным, этическому чутью его я бы не стал доверять наверняка. Был в нём какой-то имморализм, вызывавший к жизни тексты и фильмы, что могли быть то точными и пронзительными, то обслуживающими обывательский спрос. Володарский давал интервью накануне смерти и вообще был откровенен. В его речи было желание показать себя большим куском заправки, человеком, который всё видел, и на ежа голышом прыгал. Это нормальное мужское желание не понаслышке знакомое многим. И тут рискованная откровенность — как пища для ума наблюдателя — важнее общественного договора приличий.

А вот история о том, что роман «Жизнь и судьба» это «Война и мир» сегодня, более интересна. Дело в том, что знаменитый роман Толстого — главная большая книга русской литературы. Его можно любить или

не любить, находить в нем исторические и логические неточности, но дело в том, что это самый знаменитый роман русской литературы, и, к тому же, очень большой. Слово «эпопея» сцепляется с ним еще в школьном курсе. Именно к «Войне и миру» восходит некий стандарт описания войн и революций. Поэтому уже полтора века особым почетом пользуется текст, повествующий об исторических событиях, где героев — что тараканов, где несколько сюжетных линий, и непременно много моральных выводов.

Однако ж у меня странное отношение к роману «Жизнь и судьба». Вроде бы его надо было любить, а у меня с любовью не вышло. При этом я к Гроссману относился вполне уважительно. Но как-то с ним было сложно. Вот к Рыбакову и его бесконечным детям Арбата я относился спокойно — это была добротная коммерческая беллетристика. Крепкая и рассчитанная на понятные эмоции — оттого легко экранизируемая. В ней было что-то от честного ресторана быстрого питания. А вот с Гроссманом все было именно сложнее. Когда я его читал, а было это в ту пору, когда я был ещё молод и недостаточно циничен, а в окна дул пока еще теплый и ласковый ветер перемен, то обнаруживал в себе какое-то читательское возбуждение. Значит, это была книга, написанная собой, а не сотворенная из конъюнктурного желания. Но при этом какая-то досада не отпускала меня. Я получил еще одно подтверждение, что все военные эпопеи меряются «Войной и миром». «Война и мир» ужасно испортила

русскую литературу своим стандартом — причем испортила не только издателей, но и читателей. А вот Гроссмана я читал без этого восторга. И виной тому — его следование классическому канону. Много героев, каждый из которых несет в себе моральное обращение к читателю, актуальное в 1959 году послание.

Кстати, многократно экранизированное раблезианское «Хождение по мукам» — тоже заложник того, другого Толстого. А читать его можно с некоторым восторгом, что не мешает соглашаться при этом с Адамовичем, который едко замечал, что хождений там много, а мук — мало.

Двадцатый век — век эпопей. Их писали все — именно из-за их повышенной ценности. И все становились заложниками Толстого. Все реже и реже вспоминают настоящую литературу вроде «Живых и мертвых» Сименова, не говоря уж о эпическом труде Ивана Фотиевича Стаднюка «Война». О, каков был труд Ивана Фотиевича (впрочем, он сам написал и сценарий) — но упал он в лету все так же беззвучно, только разошлись круги по воде.

Толстые книги погибли как мехкорпуса в сорок первом.

Вот поэтому в обществе обсуждается не произведение, а Сталин, Гитлер, итоги войны, демократии и деспотии. Произведение только повод к этому обсуждению. Оно как ракета-носитель: выгорели ступени, да и Бог с ними. Главное, полезная нагрузка, подобие космического корабля — это сетевой флейм. В общем, ад для толстых книжек выглядит как многосерийная экранизация.

Всё это свидетельства того, что фильм этот нужный. Именно потому, что люди, по сути, говорят не о нём, а о себе. То есть, люди проговаривают свои конструкции мира, а это, как не крути, очень полезно. Смотрят в волшебное зеркало, которое, по сути, ничего не отражает кроме них самих. Множество хороших и искренних людей описывают мир как участники событий, и в результате мы приходим к анекдотической ситуации, что описана в давней истории про социологов, которые спрашивают деда, когда ему лучше жилось — при Сталине, при Хрущёве или при Брежнев. Тот отвечает, что при Сталине, конечно. «А как же лагеря, террор?!» — с ужасом говорят социологи. «Так при Сталине мне все девки давали», — отвечает старик. Так и здесь — сравнение происходит на интимном плане.

НОВОСТИ

Булгаков инглиш

Джон Хэм и Дэниел Рэдклифф снялись в экранизации произведения Михаила Булгакова. Пылкая любовь к творчеству русского классика свела актеров в работе над телевизионной адаптацией «Записок юного врача».

Джон Хэм известен по роли ловкого рекламного агента Дона Дрейпера из сериала «Безумцы», Дэниел Рэдклифф только выпустился из Хогвартса, но обоих объединяет любовь к Булгакову.

О своем увлечении Рэдклифф рассказывал еще в феврале, когда приезжал в Москву в поддержку «Женщины в черном»: «Если выбрать один фильм по русской классике, в котором я хотел бы сняться, то это определенно «Мастер и Маргарита», — говорил актер, уточняя, что видит себя Котом Бегемотом.

Рэдклифф и Хэм сыграли одного и того же врача — выпускника московской медицинской школы, направленного работать в провинциальную больницу, регулярно испытывающего панику — в случае Рэдклиффа и повзрослевшего и умудренного опытом медика, направляющего его и знающего все слабые места героя — в случае Хэма.

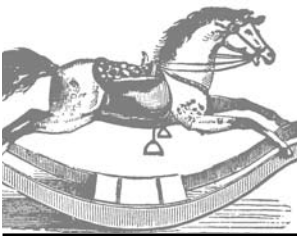
Горлум — режиссер

Энди Серкис займется постановкой фильма «Скотный двор». Серкис также выступит в качестве одного из продюсеров картины. Более того, он намеревается исполнить в фильме одну из ролей. По словам Серкиса, для оживления персонажей фильма будет использована технология захвата движений (motion capture). При этом кинематографист предполагает, что могут быть задействованы и другие технологии — например, кукольная анимация.

Серкис получил широкую известность именно как актер, «оживляющий» персонажей с помощью motion capture. В частности, именно с него были сняты движения и мимика Горлума в трилогии Питера Джексона «Властелин колец». Кроме того, Серкис был занят в ленте «Восстание планеты обезьян» и «Приключения Тинтина: Тайна Единорога».

Подготовил
Даниил Мартин

НОВОСТИ

Инструкция к мечте

В конце 1920-х — начале 1930-х годов среди маленьких граждан советской России были фантастически популярны книжки-самodelки. Разглядывая их, можно было узнать о современной взрослой технике, о всяких важных профессиях и о том, что такое производство. Но самое главное их достоинство заключалось в другом: внутри находились инструкции... Выставка, посвященная этим умным, оригинальным, ставшим новаторскими книжкам, открылась в музее петербургского авангарда. Организаторы подарили ей имя: «Самозвери. Книжки-самodelки. 1929 — 1935».

Дело в том, что именно так: «Самозвери» — называлась книга, подготовленная коллективом Левого фронта искусств («лефовцами»). Она состояла из стихотворения, сочиненного поэтом Сергеем Третьяковым, и фотографий, которые должны были стать «картинками» первой детской фотокниги: их авторами выступили знаменитые художники, графики, фотографы и скульпторы Александр Родченко и Варвара Степанова. Основоположники конструктивизма, родоначальники дизайна и рекламы в СССР, они положили в основу этой так и не изданной книги невероятно заманчивую и до смешного простую конструкторскую идею: а почему бы детям самим не смастерить что-нибудь из того, о чем они только что прочитали. Например, самим сделать игрушечные фабрики, машины, заводы, аэропланы, конвейеры, да даже мавзолей! Что касается материалов, из которых предлагалось творить — они были самыми простыми, почти обыденными: бумага, пробки, спичечные коробки, деревянные, что-то металлическое. И хотя «Самозвери» все же не вышли, другие книжки такой же направленности получили право на жизнь. Счастливую, долгую и славную жизнь. В их создании принимали участие самые известные писатели, ученые и художники страны: Борис Житков, Вера Ермолаева, Самуил Маршак, Лев Юдин, Яков Перельман. На открывшейся выставке можно будет увидеть многое из того, чему отдали свои силы эти люди: всего около тридцати детских познавательных книг рубежа 1920—1930-х годов из собрания Российской национальной библиотеки и частных коллекций.

Подготовила
Дира Альмайер

Конечно, все закончится хорошо — это ясно сразу. В нашей пессимистичной реальности история с подобным хеппи-эндом воспринимается как сказка. Но книга, кажется, именно об этом — сделать жизнь похожей на сказку можно, только если действительно веришь и сохраняешь оптимизм. Веришь в то, что добро всегда побеждает, каждый человек на самом деле — хороший, любое поражение можно превратить в победу, а необычные школы, в которых на уроках играют в «мафию», существуют в реальности.

Начнем с того, что такие школы — с весьма нетрадиционным подходом к учебному процессу — действительно работают не только за границей, но и в России. Это школы, где учителям иногда сложно угнаться за учениками, поскольку детей учат думать, творчески относиться к жизни, решать задачи, а не зубрить и угадывать результаты тестов. И когда живой детский ум

обретает самостоятельность и гибкость — тут никакому взрослому, воспитанному по старинке в обычной школе, за таким ребенком не угнаться. При индивидуальном подходе вдруг оказывается, что каждый ребенок талантлив, да и гениев куда больше, чем один на миллион.

Конечно, невозможно было бы написать книгу о необычной школе, не сравнив ее с обычной, а для этого лучший сюжетный ход — закрыть на время оазис свободы и отправить непривычных разнеженных учеников в суровую школу с классами, переменами, дневниками, оценками и домашними заданиями. Сюжет книги довольно предсказуем, но оказывается вовсе не главным. Главное здесь — развитие героев, их бурная внутренняя жизнь, их реакция на непривычные условия, социализация, отношения, взросление, в конце концов. Можно быть талантливым математиком, но не уметь

элементарно ладить с людьми. Именно с этой проблемой сталкиваются «гении» из необычной школы. Они прекрасные теоретики, любая самая сложная задача дается легко их гибкому уму. Но есть еще другие люди — и они куда сложнее синусов и косинусов. А теория не имеет никакого смысла без практики.

Самое ценное, что звучит фоном позади напряженного действия, приключений, неприятностей и сюжетных перипетий, мысль о том, что плохого и хорошего на самом деле нет. Есть разные — школы, люди, дети, учителя, ситуации, проблемы. И к каждой и каждому из них надо подходить индивидуально. Жизнь сложна и очень интересна, ее нельзя разровнять на черно-белые клеточки, и лучше быть готовым к любому самому странному повороту событий. Даже к тому, что гроза образовательных учреждений, любительница ставить тройки и двойки, невыноси-

Жвалеvский А., Пастернак Е.
Я хочу в школу!
М.: Время, 2012. — 320 с. 5000 экз. (п)
ISBN 978-5-9691-0808-0

мая математичка по прозвищу Злыдня окажется вдруг добрейшей бабушкой любимого внука.

Отдельное «спасибо» хочется сказать авторам за честную иронию по отношению к своим — явно любимым — героям. За приметы времени, например, мальчуганов, не отлипающих от компьютерных игр и не верящих в существо-

вание настоящих медведей. За описание первой любви, сбивающей с ног и буквально делающей умных подростков глупыми. За драки, выяснение отношений, стервозные девичьи козни и вообще за все то, что присутствует в школах, в подростковых взрослеющих жилах, в нас самих. Это делает книгу по-настоящему живой, она не стерильна и не абстрактна, она толкает нас навстречу нашим грехам, нелогичным и не лучшим поступкам, заставляет взглянуться в собственное лицо, чтобы сказать себе: «Да, всякое бывает. Здесь было подло, здесь — трусливо, здесь — вовсе не хочется вспоминать». И принять ответственность за свои поступки. А значит — осознать их последствия не только для себя, но и для других. Использовать накопленный опыт, делать выводы и не забывать об ошибках — даже когда снова откроется любимая школа и примет обратно своих «неприспособленных к жизни гениев».

Когда у драйва есть цвет

Вера Бройде

Вы, должно быть, замечали, как тускнеет все вокруг, когда ваши мысли, чувства и силы направлены на что-то другое. А это «другое» — оно, наоборот, наливается таким ярким цветом и, кажется, даже увеличивается в размерах, поднимается, как тесто, оставленное на плите. Время в такие моменты, конечно, тоже ускоряет свой бег, но как его изобразить? Нет, лучше уж серьезно ввязаться за пространство. Вполне вероятно, что, находясь во власти именно таких чувств, Петер Щёссов принялся рисовать эту историю — короткую, но большую историю Первой Машины, озарившей жизнь одного Мальчика, который вскоре, вместе со своим младшим братом, совершит на ней самое лучшее путешествие — опасное, непредсказуемое, стремительное и незабываемое.

Нежно глядя на машину, особенно если она своя, да к тому же еще и старая, — начинаешь сравнивать ее с человеком: есть у нее спредли что-то такое, в этих ее круглых фарах, в линиях лобового стекла... трудно объяснить, но порой она напоминает... дедушку. Автомобиль и дедушка, дедушка и автомобиль — неслучайно они всегда стоят где-то рядом. Вот и здесь: «Однажды дедушка кое-что привез. “Это тебе”», — сказал он внуку. Мальчика в бейсболке и красных кедах

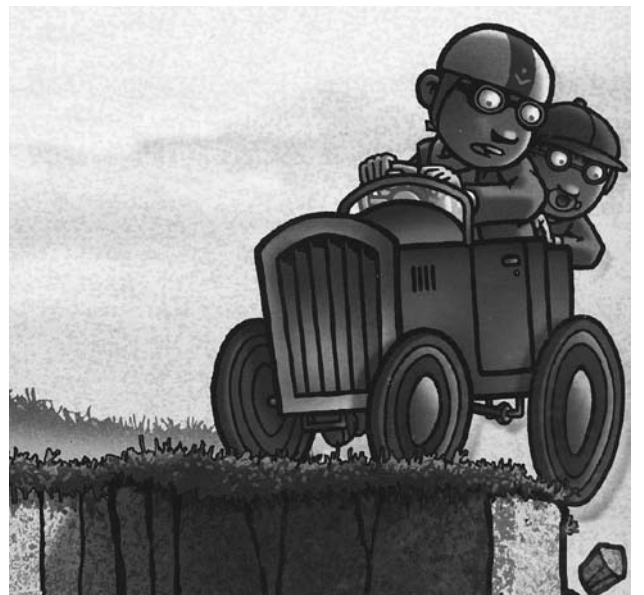

Щёссов П.
Моя первая машина / Для дошк. возраста; Пер. с нем. Т.Зборовской.

М.: КомпасГид, 2012. — 40 с.: ил. — (КомпасKID). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-904561-82-6

— старшего брата и главного героя книги — Щёссов выводит с помощью очень четких густо-черных линий — таких же основательных, как тот подход, с которым они с дедом тотчас приступили к превращению «чего-то совсем ржавого» — в сияющий, сверкающий и чудно пахнувший краской и искусственной кожей автомобиль. Цвета — вы спрашиваете, какого он был цвета? О, что вы, настоящий автомобиль, с педальным приводом, ветровым стеклом и новенькими шинами, может быть только одного цвета — решительного красного. Но если вы подумали о мякоти арбуза — забудьте, потому что «красный» Щёссова, как и его книга, — намного элегантнее. Этот «красный» — утонченный, ста-

ринный, терракотовый, или кирпичный, а когда он стоит в тени — то прямо черешневый; он воскрешает те времена, когда мебель красного дерева навевала мысли не только о чем-то дорогом, но и достойном, даже уютном. В общем, такой автомобиль — даже если он не очень-то большой и, по правде говоря, детский — не может не обращать на себя восхищенные взоры. Вы им любуетесь, как живым существом, и мальчик тоже смотрит на него взволнованно-завороженно, но больше всех, пожалуй, ему радуется Петер Щёссов. И то, как он его рисует, и сколько раз, и под какими углами и со скольких точек (подчас на одной только странице), — во всех этих вспышках как будто живет Роальд Даль. Если вы помните тот эпизод из «Мальчика», в котором он, первоклассник, впервые увидел велосипедиста, пронесшегося мимо него на полной скорости, и как потом стоял, посреди дороги, потрясенный и очарованный, и думал лишь о том, что теперь это и его самое заветное в жизни желание, единственное упование и томительная мечта: «заиметь такой же велосипед и с визгом лететь на нем под гору, убрав руки с руля», — ну, вот, если вы помните и понимаете, о чем речь, то эта красная машина, так тщательно нарисованная немецким художником, создана и

для вас тоже.

А еще она создана для того, чтобы летать. «Жми!», «Вперед!», «Тормози!», «О-О-О-СЫ-Ы-Ы-Ы!!!», «Стой!», «Налево!!!», «ДЕРЖИ-И-И-ИСЬ!!!», «Мама!», «Дерево, дерево, дерево!» и «Вижу, вижу, вижу, вижу!» — это не просто реплики, которыми обмениваются пилоты «Формулы-1», в этих словах сосредоточена сама скорость. В них впрыснут драйв. А все остальное уже не имеет значения: только водитель, пассажир за спиной, машина и дорога, которая петляет по лесным тропинкам, вьется по холму и спускается к ручью («а моста не было и в помине!»). Ну, а то, что выглядит из-за спины — между прочим, целый мир,

с игрушками и футбольным мячом, с песочницей у дома и деревьями в саду, солнечной верандой и маленьким тентом: всем тем, что еще вчера занимало куда больше места в жизни, — теперь это лишь фон. И он должен быть блеклым. Поэтому Щёссов так بلاогоразумно и так краиво капает в него немного растворителя, чтобы пейзаж был похож на утреннее марево, или на грифельную доску, на которой можно записать грядущие события: «Я уже продумывал маршрут на завтра. Надо будет перед ручьем повернуть направо! Кусты? Да, ты, пожалуй, прав... И ведь прямо на дороге! Тогда нам сначала придется расчистить себе путь. Но потом!»

Расцвет или сумерки?

Ольга Викторова

В Оксфорде завершилась международная конференция по современной российской литературе «Декаданс или ренессанс?»

Что происходит на нашем литературном небосклоне в последние 20 лет, сами мы однозначно решить не можем. Кто-то из критиков считает, что читать мы стали меньше, зато писать больше, и что литература последних лет невероятно разнообразна (Сергей Чупринин). Кто-то поднимает планку еще выше и называет наше время порой расцвета российской литературы (Андрей Немзер). А кто-то, наоборот, склоняется к тому, что эти годы можно назвать «сумерками» нашей литературы (Алла Латынина).

И вот, послушав сей разногласный хор, директор программы «Русский мир» в Оксфордском колледже Св. Антония, переводчик, лауреат премии «Россика» Оливер Реди взял дело в свои руки и решил собрать первую в Соединенном Королевстве конференцию по современной российской литературе. Пригласил ученых, преподавателей, критиков, переводчиков из разных стран, но главное, что впервые в практике академических конференций, — пригласил писателей. Отдельные сессии (или секции, по-нашему) конференции были отданы писателям Владимиру Шарову и Михаилу Шишкину. С академическими докладами выступи-

ли Мария Галина и Аркадий Штыпель, они же и читали свои стихи. По свидетельству присутствующих, именно писательские «круглые столы» получились самыми насыщенными и живыми.

Основными спикерами первого дня встречи стали известный российский и американский историк литературы, критик Марк Липовецкий и глава издательства «НЛО» Ирина Прохорова. Доклад Липовецкого был посвящен упрощению и усложнению как писательским стратегиям в современной российской литературе. «К *созалению*, — сказал Липовецкий, — в восприятии многих критиков и широкой российской читательской публики *жизненная сила произведения определяется тем, насколько его риторика является насильственной — и это то, что привлекает к «простой» литературе. «Сложная» литература как раз характеризуется попытками создания ненасильственных риторик. Это очень актуальная и политически насыщенная проблема*». Литературе Липовецкий отводит высокую футурологическую роль. Успех писателя, утверждает исследователь, в известной степени является проверкой того или иного культурного сценария. «Я очень серьезно верю в прогностическую функцию литературы, — говорит он, — не прямо, а как в некий *испытательный полигон. И то, что я вижу в современной литера-*

туре, не вселяет в меня оптимизма именно с точки зрения тех сценариев, которые пользуются большей популярностью, а какие меньшей. И такие собрания, как эта конференция, позволяют выйти в другую перспективу, которая отличается от панорамы книг в супермаркетах России или от писательских лиц на российских телеэкранах. Она позволяет понять, что литература больше, чем то, что за нее выдается на популярном рынке».

Доклад Ирины Прохоровой назывался «Искусство памяти и забвения» и был посвящен поискам идентичности современной русской литературой. На наших глазах, утверждает И. Прохорова, происходит складывание новой культурной идентичности в нескольких миграционных центрах вне России: «Самидентификация автора по монокультурной и языковой принадлежности уже не является обязательной и достаточной, чуждая традиция перестает быть экзотикой или идеологическим инструментом, а становится частью мировой культурной мозаики. И, возможно, «набоковский феномен» и есть самый верный способ *вхождения России в глобализованный мультикультурный мир*».

Все участники конференции сошлись на том, что русская литература наконец начала завоевание английского интеллектуально-

Оливер Реди

го пространства, а с ним — и книжного рынка. В самом большом в Великобритании лондонском книжном магазине «Waterstone's» на Пикадилли теперь первый этаж отдан русской литературе как в переводах, так и на родном языке, а также литературе о России. Бойко шла торговля русскими книгами и на конференции.

Ближайшей весной предполагается выход переводов романов тех авторов, которые были приглашены на конференцию — «Письмовника» Михаила Шишкина и «До и во время» Владимира Шаро-

ва. Перевод Шарова делается организатором оксфордской конференции Оливером Реди, который помимо научной и координаторской деятельности продолжает активно работать как переводчик. Только что он закончил перевод «Преступлением и наказанием» Ф.М. Достоевского, параллельно работая над романом В. Шарова.

О прозе Шарова О. Реди говорит, что она интересует его не только как переводчика, но и как критика, и как читателя: «*Это что-то совершенно новое. Думаю, что по-настоящему он еще*

не понят, возможно, и мной тоже. Попытки вогнать его в группу постмодернистов мне кажутся ошибочными, в его романах есть много об отношениях человека с Богом. Об этом не пишут. В его книгах вообще важно сочетание фантастики с проникновенным духовным опытом. Нагромождение бурных историй вдруг переходит у него в полную тишину. Уникален спокойный ритм его прозы при таком «неспокойном» сюжете. Мне кажется, он пишет не предложениями, а абзацами. И почти в каждом из них можно найти движение, кульминацию и спад. Как в музыке. В романах Шарова очень много голосов, но над ними есть единый голос, который все их в себя вбирает, «впитывает». Подобного эффекта я не встречал у других авто-

ров». О. Реди всецело является идеологом оксфордской встречи, но на наш вопрос, кто дал финансовую возможность конференции состояться, Оливер отвечает: «В колледже Св. Антония участвуют только аспиранты и постдокторанты, и моей должности не было бы без поддержки фонда «Русский мир». Наша программа была совместной идеей нашего колледжа и «Русского мира». Вообще в Оксфорде живет очень много русских, и на наши встречи приходят не только ученые, но и все, интересующиеся русской культурой, — мы тут работаем на ее стыке с наукой».

Книжки с пастилою

Михаил Визель

В сентябре в подмосковной Коломне во второй раз прошел однодневный литературный фестиваль-праздник «Антоновские яблоки». Но если в прошлом году «яблочки» оказались в прямом смысле слова подмочены дождем, то на сей раз солнечная погода прекрасно дополнила богатую выдумку организаторов.

Хронологически, тематически и по составу участников коломенский фестиваль как бы дополняет и продолжает осенний марафон московских книжных ярмарок и выставок, начавшийся в конце августа. Но заметное удаление от Садового кольца (два часа на поезде) наложило многочисленные особенности.

Главная из них — уникальный статус фестиваля: его организаторами выступили не городские власти, а администрация музея-фабрики «Коломенская пастила» — открывшегося ровно год назад, во время проведения первого фести-

валя, при поддержке фонда Потанина и фонда Алипперова «Наше будущее». Музей такого типа, хорошо известные в Европе и особенно в США, пока что мало распространены в России: это реальное производство по старинным рецептам, размещающееся в историческом здании, а сотрудники его, помимо изготовления вкуснейшего лакомства (родившегося, как уверяют коломенчане, именно в их городе), немножко играют в историю — ходят в старинных костюмах, угощают чаем из самовара и т.д. Неудивительно, что реконструкторско-игровое начало в фестивале тоже присутствовало в полной мере: по треугольной площади в центре коломенского посада, ставшего фестивальной площадкой, разгуливали барышни в кринолинах и под кружевными зонтиками, а детей увлекали за собой многочисленные мимы с выбеленными лицами. Всё это были волонтеры — в первую очередь студенты местного

социально-гуманитарного института. Одна барышня в кринолине объяснила, что для нее волонтерское участие в фестивале — не только способ весело провести время в хорошей компании, но и своего рода наработка социального капитала, который ей пригодится в ближайшем будущем.

Кстати, много лет назад, в бытность этого института просто педагогическим, в нем не очень долго и не очень успешно учился Венедикт Ерофеев. И поэтому сейчас он был объявлен «покровителем» фестиваля, а одной из его площадок стала «Музей-резиденция Арт-коммуналка» — еще один «музей нового типа», объединяющий собственно экспозицию с творческими мастерскими, на соседней улице, только связанный не с XIX веком, а с именем Ерофеева.

Музейно-фабричное происхождение определило и другую важную особенность: помимо привычных

для книжных фестивалей лекционного и театрального шатров, работавших весь день в режиме нон-стоп, на площадке раскинулись шатры других музеев-усадб, в которых не только знакомили с жизнью и этих усадб (вы, например, знаете, что в чеховском Мелихове уже много лет регулярно проходит выставка так?), но и... угощали лакомствами, изготовленными на музейной фабрике из сырья, то есть яблок и прочих фруктов, собранных в их садах: клюквенная пастила по рецепту Софьи Андреевны, яблочное мороженное с кедровыми орешками графов Закревских и тому подобное.

Но не следует думать, что «Антоновские яблоки-2012» весь состоял из варенья и кринолинов. На ту же фестивальную площадь выходит гигантский фасад заброшенной городской бани. И устроители фестиваля не побоялись (что не фигура речи, имея в виду удручающее состояние здания)

провести в нем свои «банальные чтения», в которых принимали участие как мэтры и корифеи, вроде Евгения Попова, Вениамина Смехова и Григория Кружкова, так и новомодный автор Всеволод Бенигсен. А в фойе бани (фактически — предбаннике) раскинул свой лоток магазин «Книги в Билингве» — так что московские гости не могли удержаться от шуток: ехали два часа, а приехали в «Билингву»!

Но на первом этаже бани всем становилось не до шуток. Там кураторы посадили в бывшие купальни бассейны живых поэтов, которые попеременно читали свои стихи всем желающим их слушать. Современная поэзия в сталкерском антураже заброшенной бани — это был сильный ход. И, скажем откровенно, довольно неожиданный для милого провинциального городка, славящегося своей пастилой.

Но гостей «Антоновских яблок», кажется, это особо

не смущало. Они с удовольствием бродили по многочисленным шатрам, покупали пастилу и варенья, слушали лекции в шатре и живую классическую музыку прямо на лужайке, угощались дармовыми яблочками и листали книжки на стеллажах, выполненных в виде огромного яблока, в центре площади. «Фестивали бывают двух типов, — поделился наблюдениями опытный участник литературных мероприятий, главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин. — Первые — это те, которые доставляют удовольствие самим их участникам, поэтам и прозаикам. Им примерно наплевать, как отнесется к проявлению их таланта местное население. А второй тип фестиваля — это такой, где главный прицел на публику. «Антоновские яблоки» настроены в первую очередь на коломенских жителей. А когда видишь, как публике хорошо, то и тебе становится хорошо».

ЛИТЖИЗНЬ

«Книги в парках» продолжают

Этой осенью в трех московских парках — саду им. Баумана, парке Горького и парке искусств «Музеон» — проходит культурно-просветительский проект «Книги в парках», осуществляемый по инициативе Департамента СМИ и рекламы Правительства Москвы в рамках программы поддержки книгочтения. На открытом воздухе установлены 15 деревянных книжных павильонов-трансформеров — «Гоголь-модулей», где можно выбрать книгу на любой вкус по самой низкой цене в городе. Кроме того, по выходным в каждом из парков проходит развлекательная программа: встречи с писателями, поэтические чтения, кинопоказы и научно-популярные лекции, музыкальная и детская программы. Вход на все мероприятия свободный. По словам организаторов, основная аудитория проекта — это новое поколение москвичей: активные люди, интересую-

щиеся современной литературой, путешествиями, новыми трендами, которые любят свой город и приветствуют его позитивные изменения, а также семьи с детьми и люди самого разного возраста.

За время реализации проекта «Книги в парках» состоялись: встреча со знаменитой писательницей Марией Арбатовой, концерт группы «Весеннее настроение», концерт Людмилы Петрушевской и ее Кабаре, театральное костюмированное поэтическое шоу от Виктории Звягиной: в разных частях парка неожиданно появлялись молодые люди, декламировали стихи, ели ананасы в шампанском и мели улицы под поэтический аккомпанемент. Кроме того, самыми яркими событиями проекта стали премьера фильма «Правила жизни» — сборника интервью известных актеров, режиссеров и театральных деятелей; лекция о моде

Павла Каплевича, встреча с читателями известного писателя, автора книги «Метро 2033» Дмитрия Глуховского, кулинарные мастер-классы Линор Горалик, театральная читка рассказов Сергея Довлатова Пашей Артемьевым, выступление поэта Леонида Каганова, специальный детский день в саду им. Баумана с мастер-классами, играми и развлечениями, лекции от проекта «Просветитель» и насыщенная музыкальная программа от молодых коллективов «MKRV», «Beat-off-Silence» и многих других.

На данный момент продано более 3000 книг, а всего мероприятия посетили уже более 7000 человек.

Но все самое интересное, конечно, впереди, и не стоит бояться холодов, утверждают организаторы: «В ближайшее время мы запланировали лекционно-дискуссионный цикл и weekend, посвященный Дню народного единства 4 ноября,

в котором примут участие известные писатели, поэты и журналисты. А чтобы никто не замерз, во всех парках мы установили большие обогреваемые шатры, в которых будет проходить вся программа. Следите за афишами!», — говорит Елена Жаринова, программный директор проекта.

А вот мнение заместителя руководителя Департамента СМИ и рекламы г. Москвы Юлии Казаковой: «Принимая во внимание первые результаты проекта «Книги в парках», можно уверенно сказать, что эта новая форма популяризации чтения и книжной торговли принята в городе. Москвичи разных поколений приходят на встречи со своими любимыми писателями, на лекции и концерты, покупают книги и привывают к тому, что парки — не только приятное место для прогулок, но и эпицентр культурной жизни столицы. Мы серьезно думаем о расширении проекта в следующем году».

Издательство «Бертельсманн Медиа Москва»

разыскивает право наследников следующих авторов:

- И. В. Корецкой, В. Г. Титовой, И. А. Питляр, авторов комментариев к произведениям А. И. Куприна,
- А. И. Старцева, автора статей о творчестве Ф.-С. Фицджеральда,

с целью заключения договоров о приобретении прав на эти произведения.

Просьба связаться с главным редактором издательства О. А. Дыдыкиной по телефону (495) 984-35-23.

Издательство «Эксмо» для заключения договора разыскивает переводчиков:

- Перетерского Ивана Сергеевича (или его наследников), являющегося переводчиком книги «Французский гражданский кодекс». — М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. Перевод И. С. Перетерского.
- Бронштейна Юрия Израилевича (или его наследников), являющегося переводчиком книги Вакселя С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.—Л.: Издательство Главсевморпути. 1940. — 181 с. Перевод с рукописи на немецком языке Ю. И. Бронштейна. Под редакцией и с предисловием А. И. Андреева.
- Переводчиков книги Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993 (или их наследников). А именно:
  1. Переводчика главы «Александр». Перевод текста Плутарха М. Е. Сергеевко.
  2. Переводчика главы «Об удаче и доблести Александра». Перевод текста Плутарха: Г. П. Чистяков и Э. Г. Юнц. Переводчика той же главы Я. Боровского (М.: Худож. лит., 1983. Сер. «Б-ка античной литературы»).
  3. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Переводы: Книга III: К. А. Морозова и И. А. Миронова; книги IV—V и IX—X: В. С. Соколов и А. Ч. Козаржевский; книга VI — И. А. Миронова, книга VII — Д. А. Дрбоглав, книга VIII — А. Ч. Козаржевский.
- Переводчиков (или их наследников) книги Плутарха «Сравнительные жизнеописания», главы «Александр и Цезарь» (пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера (М.: Худож. лит., 1983. Сер. «Б-ка античной литературы»).
- Переводчиков (или их наследников) книги Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 11: XVI век. — 683 с.

Контактная информация: +7 (495) 411-68-59, tereshina.mo@eksmo.ru, Мария Терёшина; gorbatova.aa@eksmo.ru, Анастасия Горбатова

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал
ЗНАНИЕ-СИЛА!

www.znanie-sila.su

подписка-2013

Журнал поэзии «Арион»

Единственный в России «толстый» поэтический журнал, 20-й год издания (основан в 1994 г.)

Весь спектр современной русской поэзии; поэтическая критика; эссе; литературные портреты; архивные материалы; рецензии; переводы; черно-белая графика

Подписка по «зеленому» каталогу «Пресса России»
Наш индекс — 73117

Журнал выходит в марте, июне, октябре и декабре

Не опоздайте подписаться!

«адриан моул: годы прострации» фрагмент

Суббота, 2 июня, 2007 г.

Черные тучи над Мангольд-Парвой. Дождь льет с начала времен. Когда же это закончится?

ОСНОВНЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА

1. Гленн воюет с Талибаном в провинции Гильменд.
2. Выручка в книжном магазине на сегодня составила всего 17,37 фунта.
3. Прошлой ночью три раза вставал, чтобы помочиться.
4. Ближний Восток.
5. Интересно, родители скорректировали свой похоронный план? Погребение в землю мне не по карману.
6. Сталинские замашки у моей дочери Грейси. Или так и должно быть в первые пять лет жизни?
7. Вот уже 2 месяца и 19 дней, как я не занимался любовью с моей женой Георгиной.

Порою возникает ощущение, что она уже не настолько без ума от меня, как в прежние времена. Например, она по-прежнему готовит мне яйца вкрутую, но давным-давно перестала их охлаждать. И она до сих пор не купила резиновые сапоги. Георгина — единственная мать в деревне, которая забирает ребенка из школы на десятиметровых шпильках. Это, несомненно, свидетельствует о полнейшем неприятии как моего образа жизни, так и английской сельской местности в целом. В первый месяц после свадьбы мы вместе собирали чернику, и молодая супруга училась варить варенье. Теперь, четыре года спустя, когда следы от ожогов почти зажили, Георгина покупает клубничный «Бон маман» за три с половиной фунта баночка! Спрашивается, зачем, если в кооперативном магазине можно купить точно такую же банку за 87 пенсов!

Вчера я застал ее рыдающей над стареньким кейсом, с которым она когда-то ходила на работу. Спросил, что случилось. Она всхлинула:

- Дин-стрит... Как же я скучаю...
- Кто такой Дин Стрит?

Она швырнула кейс на пол, затем пнула со всей силы по пакету, доставленному из центра растениеводства.

— Дин-стрит — это географическое место, идиот, — ответила она с холодным сарказмом, и этот ее тон начинает внушать мне тревогу.

Но, по крайней мере, она со мной заговорила! Хотя продолжает делать вид, будто в упор меня не видит. На прошлой неделе в поисках ножничек для подстригания волос в носу я сунулся в ее сумочку и обнаружил записную книжку размером А5. Обычный блокнот с безобидными на вид монстрами на обложке. Однако открыв его, я вздрогнул: запись на первой странице начиналась обращением ко мне:

Адриан, если ты нашел мой дневник и читаешь его, прекрати немедленно. Этот дневник — моя единственная отдушина. Пожалуйста, уважай мои желания и право на личную жизнь.

Закрой книжку и верни ее на место, СЕЙ-ЧАС ЖЕ!

Я перевернул страницу.

Дорогой дневник, я намерена каждый день рассказывать тебе о своей жизни — все без утайки. Ведь мне больше не с кем поделиться тем, что меня мучает. Не с Адрианом же — у него случится нервный срыв, а родители и сестры в один голос заявят: «Мы тебе говорили, не выходи за него», и от друзей я услышу то же самое. Но проблема

В издательстве «Фантом Пресс» выходит «Адриан Моул: Годы прострации» — «сельская» часть юмористической эпопеи Сью Таунсенд о всемирно известном британском чудике. На лоне природы, в экологической усадьбе «Свинарня», Адриан Моул пишет пьесу об эпидемии чумы, пытается воспитывать дочь, борется с женой и буйством британской стихии и, как обычно, переживает из-за всего на свете. Не без оснований.

в том, дневник, что я глубоко несчастна. Мне опротивели сельские просторы! Здеишие обитатели никогда не слыхали ни о «Белом кубе», ни о кофе «маккиато» и думают, что Рассел Брэнд — это модель электрочайника. Люблю ли я своего мужа? И любила ли я его когда-нибудь? Смогу ли я прожить с ним до самой смерти — его, моей или обоих сразу?

Я услышал, как хлопнула дверь в огород, а затем шаги жены. Быстренько сунул дневник обратно в сумку и громко спросил первое, что пришло в голову:

- Георгина, когда у королевы официальный день рождения?
- Жена вошла в комнату.
- Зачем тебе? Опять написал стихотворение по случаю, да?

Закуривая, Георгина слегка наклонила голову, и мне невольно бросилось в глаза, что теперь у нее три подбородка. Я также не мог не заметить, что с некоторых пор говорящие весы в ванной перестали подавать голос, — определенно Георгина с ними поработала.

И я уже давно не хожу с ней покупать одежду после того, как она закатила жуткий скандал в примерочной «Праймарка»: застряла в свитере 48-го размера, и вытащить ее удалось, только разрезав свитер. По дороге домой Георгина не переставая твердила:

- Ничего не понимаю, у меня же 46-й размер.

Даже мой ослепший друг Найджел, сохранивший, однако, способность различать очертания предметов, обронил на днях:

- Блин, Георгина, похоже, толстеет. Она приходила ко мне недавно, и пока она шла от калитки к дому, мне казалось, будто сарай с садовыми инструментами ожил и движется на меня.

Жена удалилась на кухню заниматься ужином, и я мужественно переборол соблазн снова вытащить дневник и продолжить чтение — слишком уж был велик риск.

После ужина (салат с консервированным тунцом, молодой картофель, свекольная сальса и клубника из нашего огорода, политая сливками «Элми») я мыл посуду, когда на кухню заглянула Георгина и взяла из буфета пачку печенья. Вытерев насухо все поверхности, рассортировав мусор и оттащив мусорный бак к воротам, я вернулся в гостиную, чтобы посмотреть новости по Би-би-си-4, и

увидел, что Георгина уже умяла три четверти пачки. Мне следовало промолчать. Сомкнуть уста и не размыкать их даже под пыткой... Последовавшая ссора напоминала извержение вулкана.

Грейси, которая слушала «Классный мюзикл-2», врубила проигрыватель на полную громкость и закричала:

- Хватит орать, а не то я вызову полицию!
- Из соседнего дома прибежала моя мать узнать, не убила ли меня жена часом. Голос матери перекрыл наши голоса, положив конец перепалке:

- Георгина, ты отказываешься смотреть правде в глаза! У тебя 52-й! Ну и что?! Прилично одеться можно и в магазинах для крупных женщин — да хоть в той же французской «Пышке».

Георгина бросилась в распахнутые объятия моей матери, и та, глядя на меня, сердито мотнула головой, мол: «Проваливай!»

Сегодня утром жена не провожала меня до порога, когда я, как обычно оседлав велосипед, отправился на работу. На выезде с нашего участка я по привычке обернулся, чтобы помахать на прощанье, но в окне никого не было. Физически я разваливаюсь. Ночью встаю раза три и даже чаще, если позволяю себе бокал вина после ночных новостей. Как результат, не высыпаясь, а по утрам вынужден выслушивать жалобы моих родителей (их дом от нашего отделяет не слишком толстая перегородка): якобы непрерывное журчание воды в бачке мешает им спать по ночам.

Ехал я против ветра и не мог развить приличную скорость; на подступах к Лестеру меня ждала еще одна неприятность — город перерыли чуть ли не целиком для укладки новых канализационных труб. Меня, злосчастного владельца выгребной ямы, прямо-таки захлестнула желчная ярость. Удивительно ли, что моя жена тоскует по большому городу, если жизнь в Мангольд-Парве не удовлетворяет ее базовых потребностей? В наших примитивных санитарных условиях я виною отца: обустроившая наше новое обиталище, «Свинарню», мы отложили деньги на сточные трубы, но потом одним махом спустили их на пандусы для папашки, вдруг обратившегося в инвалида. А кто виноват в том, что с ним случился удар? Зарядку он сроду не делал — разве что тренировал указательный палец, непрерывно

переключая телеканалы. И словно ему мало причиненного ущерба, отец явно не собирается отказываться от вредных привычек: он по-прежнему выкуривает по полторы пачки в день и обжирается крепко поперченным жареным салом с хлебом.

С горечью я вспоминаю тот день, когда мои родители купили два руинированных свинарника с задумкой превратить их в жилье. В ту пору я был банкротом и обрадовался бы любой крыше над головой — но сколько можно расплачиваться за ошибки прошлого?!

И вот что еще меня сильно беспокоит: я не нахожу себя в роли отца. Вчера Грейси вернулась из школы с рисунком «Моя семья». Дорогой дневник, я долго изучал костлявых человечков в поисках своего собственного изображения — увы, тщетно. Тогда я спросил дочку, почему она не нарисовала меня, своего папу, напомнив ей, между прочим, что именно из моего заработка высчитывают налоги, на которые школа покупает фломастеры и платит учителям. Девочка сдвинула брови. Мигом сообразив, что меня ждет, — рыдания, вопли, сопли и попреки, — я поспешил отвлечь ребенка, вскрыв упаковку с розовыми вафлями.

Спросил жену, почему, по ее мнению, Грейси не включила меня в семейный портрет. А Георгина ответила:

- Может, она заразилась от тебя эмоциональной холодностью. — На мои возражения Георгина отреагировала абсолютно неадекватным взрывом эмоций: — Когда ты приходишь с работы, от тебя слова не добьешься, просто сидишь и пялишься в окно, рот разину!

- Вид из окна никогда мне не прискучит, — сказал я в свою защиту. — Эти деревья вдалеке, утасяющий свет на небесах.

— Ты что, в гребаном Корнуолле? — фыркнула Георгина. — Какие небеса, к чертям? Только заболоченный участок и ряд кипарисов, которые насадил твой отец, чтобы «укрыть нашу жизнь от посторонних глаз». Да кому здесь за нами подглядывать?!

Воскресенье, 3 июня

Высочотимому Гордону Брауну, депутату парламента и министру финансов, Даунинг-стрит, 11, Лондон, SW1A 2AB.

Уважаемый мистер Браун,

Я уже писал Вам в казначейство касательно досадной несправедливости. В налоговой инспекции утверждают, что за мной до сих пор числится недоимка в 13 137,11 фунта. Этот «должок» возник в ту пору, когда я в качестве шеф-повара, специализирующегося на потрохах, работал в Сохо у нечистоплотного предпринимателя.

Я осознаю, что Вы — невероятно занятой человек, но если у Вас найдется время взглянуть одним глазком на мои документы (отосланные 1 марта 2007 г. заказным письмом), а затем черкнуть записку, подтверждающую мою невиновность, я буду Вам извечно признателен.

Ваш покорный и преданный слуга,
А. А. Моул.

Р.С. Прошу прощения, но не могли бы Вы разобраться с этим дельцем, прежде чем займете пост премьер-министра?

Р.Р.С. Мои поздравления, кстати: и с одним глазом Вы справляетесь блестяще. Полку выдающихся одноглазых личностей, — таких как Питер Фальк (Коломбо), Джордж Мелли, адмирал Нельсон и, разумеется, Циклоп, — определенно прибыло!

Перевод с английского Елены Полецкой

книжное обозрение

№20 (2344), 1 – 21 октября 2012 г.

127018, Москва, Сущевский вал, д. 49

Тел. (495) 689-14-55

Адрес в Интернете: www.knigoboz.ru

E-mail: all@knigoboz.ru

Учредитель ФГУ «Редакция «Российской газеты»

Главный редактор Александр Набоков.

Ответственный секретарь Ольга Воронина.

Шеф-редактор приложения ПРО Ольга Костиокова.

Отдел рекламы Анастасия Набокова.

Отдел рецензирования Вера Бройде,

Мария Мельникова.

Отдел клубов Дмитрий Малков.

Обозреватель Данила Давыдов.

Отдел библиографии (тел. 629-25-77):

Ольга Казакова, Наталья Яковлева.

Приемная Лидия Бочкова.

Верстка Дмитрий Кушунин.

Корректура Регина Митропольская, Наталия Ремизова.

Распространение Валентин Филатов.

© Газета «Книжное обозрение»

© Дизайн Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

За содержание рекламных публикаций редакция

ответственности не несет.

Использование материалов без согласия редакции запрещено.

При цитировании ссылка на «Книжное обозрение» обязательна.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Газета зарегистрирована в Федеральной службе в сфере мас-

совых коммуникаций, связи и культурного наследия

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30853

от 29 декабря 2007 года.

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Тираж 10 050. Номер подписан в печать 26.10.2012

Объем 3 п.л. Заказ № 4633.

Подписные индексы: 50051; 83102 (с приложением).

Реализацию «КО» на территории РФ и стран СНГ осуществляет

ЗАО «АПР» (тел. +7 (499) 195-43-15) и ООО «МАП»

(тел. +7 (495) 648-93-94).

Газета отпечатана в типографии

ОАО «Издательский дом «Красная звезда»

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38

<http://www.redstaph.ru>

альбом «детям об искусстве. архитектура»

Все дело в фантазии

Дарья Лебедева

Синицына О.
Детям об искусстве.
Архитектура: Книга первая.
М.: Искусство-XXI век, 2012. – 104 с.
1500 экз. (п) ISBN 978-5-98051-093-0

Смолина Н.
Детям об искусстве.
Архитектура: Книга вторая.
М.: Искусство-XXI век, 2012. – 104 с.
1500 экз. (п) ISBN 978-5-98051-094-7

Человек — создание, богато одаренное фантазией. Какой бы век ни стоял на дворе, как ни менялись бы действительность, обстоятельства, геополитическая обстановка и климат, одно остается неизменным — способность человека к творчеству. Вполне естественно, что с незапамятных времен человек творчески подходит к строительству и оформлению домов самого разного назначения — именно так на свет рождаются шедевры архитектуры. *«Архитектура — это польза, прочность и красота. Попробуй выбросить хоть одно слово из трех, и исчезнет архитектура: или дом окажется никому не нужным, или он просто развалится, или будет похож на сарай».*

Понятно, что об архитектуре написаны тома, но детям надо с чего-то начинать. Для ребенка дом — то место, в котором он живет, естественное и привычное пространство. Но ведь на свете существует так много красивых, странных, ярких домов, домов с тысячелетней историей или современных, которые способны удивить. И вот в двух глянцевых книжках с картинками собраны самые необычные, интересные и заслуживающие внимания дома мира — от пещер и египетских гробниц до эксцентричных строений, созданных современными архитекторами. Материал разделен на две части — в первой рассказывается о том, какие бывают дома, из каких материалов, для чего и для кого их строили раньше и строят теперь, а еще об архитектурных элементах, украшениях, секретах и терминах. Все это подано в формате коротких запоминающихся историй с большими цветными картинками, которые в прямом смысле слова иллюстрируют текст. Так что даже самый неудобопроизносимый термин вполне реально запомнить — например, «кариатида». Может быть, не сразу... Но дети наверняка будут перелистывать эту книжку снова и снова.

Во второй части собраны иллюстрации конкретных примеров «креативного» зодчества: павильон из бумаги, здание-облако, город-солнце с необычными домами-бочками и пирамидами, мобильный павильон — кожаная сумочка, универмаг — гигантский глаз мухи, дом из кубиков, дом-цилиндр и другие архитектурные чудеса. Не забыты и менее экзотические, но признанные мировые шедевры: арка Дефанс в Париже, Покровский собор на Красной площади в Москве, построенная из дерева без единого гвоздя церковь Преображения в Кижях, волнующий и ни на что не похожий храм Саграда Фамилия в Барселоне и даже весь центр Санкт-Петербурга как единый архитектурный ансамбль.

Замечательны не только иллюстрации, но и рассказы о каждом архитекторе — кто он, что его воодушевило, почему он выбрал ту или иную форму для своего творения. Из каких разных источников может прийти вдохновение! Например, идеи для создания музея в Валенсии архитектор Сантьяго Калатрава черпал из живой природы — вот дом-глаз, дом-дельфин и дом-хребет. А наш соотечественник Константин Мельников создал уникальный дом-цилиндр только потому, что на дворе стояли холодные и голодные послереволюционные годы, — надо было построить дом с минимальными затратами на обогрев. Казалось бы, всего лишь расчет — а в итоге в сердце Москвы вырос еще один шедевр.

«Архитектуру можно читать как книгу, надо только знать ее особый язык», — пишет автор первой части Ольга Синицына. Эти книги не только дают базовые знания об архитектуре, но и открывают ребенку мир творчества и фантазии, материально воплощенный в конкретных зданиях, а это рождает искренний интерес к домам, их истории и красоте. Можно воспользоваться примером из первой части и заинтересовать ребенка даже бетонной многоэтажкой — ведь бетон на самом деле очень древний и своеобразный материал. Например, знаменитый архитектор Ле Корбюзье построил из бетона удивительную капеллу необычной формы, потому что *«не бывает материалов скучных и некрасивых, все дело в фантазии архитектора».*

